АКАДЕМИЯ МАГИИ
ОЛЬГА ПАШНИНА
ВАЛЕРИЯ ТИШАКОВА
АКАДЕМИЯ СМЕРТЕЙ
УЧЕБА ДО ГРОБА

Валерия Тишакова
Ольга Олеговна Пашнина

Академия смертей. Учеба до гроба

Серия «Академия Магии»
Серия «Академия смертей», книга 1

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24049577
Академия смертей. Учеба до гроба: Издательство «Э»; М.; 2017
ISBN 978-5-699-96409-3

Аннотация

Неприятности начались, когда их совсем не ждали. Я-то была уверена, что закончила учебу в Академии смертей. Но мой дипломный проект прямо во время защиты… восстал из мертвых и сбежал!

И теперь, чтобы стать дипломированной смертью, мне надо не только вернуть свою работу на полагающееся ей место, но и оторвать руки тому, кто приделал ей ноги, – нахальному несносному некроманту-самоучке. Потом выйти на след загадочной корпорации, обещающей людям бессмертие. А в завершение разобраться, какие цели преследует магистр Смерть – всадник Апокалипсиса и ректор Академии по совместительству.

И если в процессе вдруг придется остаться на второй год, а между парами и зачетами спасти мир – я не откажусь. Размеренная жизнь, спокойствие и прилежная учеба? Вот уж чего нет, того нет…

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 29
Глава 3 49
Глава 4 80
Конец ознакомительного фрагмента. 93

Ольга Пашнина, Валерия Тишакова
Академия смертей. Учеба до гроба

© Пашнина О., Тишакова В., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1
Дипломированная смерть

– Кто провалит защиту, отправится работать аистом!

Грозные слова магистра Смерти звучали у меня в ушах. Последний рывок! Последнее усилие, десять минут позора, и я – дипломированная смерть.

Я неслась через мост вприпрыжку, на ходу сворачивая и запихивая в сумку мантию. Как всегда, проспала. Хорошо хоть, папы дома не было, не пришлось слушать нотации. А вот то, что без завтрака осталась, – это несомненный минус.

На пристани никого не было, только дворник лениво подметал брусчатку.

– Нет! – крикнула я, увидев, что в тумане растворяется худощавая фигура. – Харон! Подожди!

Но лодка уже скрылась вдалеке. Опоздала на какую-то минуту. На собственную защиту! Я готовила диплом почти год, я идеально знала каждую запятую в нем. Я оттачивала теорию месяцами и на протяжении недели круглосуточно искала практическую жертву. И вот теперь из-за глупого желания поспать еще пять минуточек я опоздаю и не получу диплом.

– Ну уж нет! – процедила я сквозь зубы и принялась расшнуровывать ботинки.

Река Стикс[1], безмолвная и спокойная в этот утренний час, отделяла город смертей от академии. Вообще, в академию можно было попасть двумя путями. Первый вел из города смертей, с пирса, где можно было попросить Харона тебя переправить. Второй вел из мира людей, но в этот мир еще выбраться надо было.

Если полезу наверх, точно не успею к защите.

Я как следует застегнула сумку, утрамбовав мантию, папку с дипломом и туфли, перекинула ремешок через грудь и стащила обувь. Постояв некоторое время на краю реки, я наконец решилась. Набрала полные легкие воздуха и нырнула, готовясь к встрече с ледяной водой.

Да, понимаю, почему души не хотят касаться воды. Ну и работенка у Харона…

* * *

К аудитории я пробиралась обходными коридорами, молясь, чтобы не попасться на глаза уборщице. Суровая она была тетка. Среди студентов даже ходила легенда, будто когда-то она была настоящей смертью и после жуткой ошибки (в чем она заключалась, правда, никто из нас придумать не мог) оказалась разжалована в уборщицы академии. Не при-

[1] Согласно греческой мифологии, одна из пяти рек, протекающих в подземном царстве. Через реку Стикс души перевозят в загробный мир. (*Здесь и далее – прим. автора*).

веди вечность оставить грязные следы или мусор на подоконнике, есть все шансы получить этой «шваброй смерти» по шее под незабвенное «ходят тут, топчут». А с меня натекло уже целое озеро воды.

Вот и аудитория. Последние шаги к взрослой жизни. Диплом почти у меня в кармане. Только надо себя в порядок привести: не хватало еще шуточек про Титаник и Муму вместо вопросов по дипломному проекту.

Неприятности нашлись, когда я отжимала волосы в кадку фикуса у дверей аудитории. Неприятности имели вид Мора, всадника апокалипсиса, преподавателя и по совместительству моего отца.

– Джульетта! – сердитым шипением, чтобы не было слышно в аудитории, окликнул он меня. – Ты на кого похожа? Почему такая мокрая?

– Дождь? – сделала попытку отмазаться я.

– Где? – Отец выглянул в окно, где была возмутительно солнечная и сухая погода. – И, кстати, где твои колготки? Я же помню, ты вчера нам всем мозг вынесла, пока наряд выбирала. Ты еще три раза требовала подтвердить, что узоры смотрятся прилично!

Вот что значит – мужчина живет с тремя женщинами! Другой отец, нормальный, таких огрехов не заметил бы, но папа, наученный горьким опытом жизни с двумя дочерьми и любимой женой, подмечал даже лишний срезанный сантиметр волос.

Колготки, к слову упокоились в недрах сумки, не пережив попытки заплыва. Вот Харон – засранец! Дождался, пока я окунусь, и вернулся, когда я уже промокла. Надеюсь, чехлы на скамейки я ему все-таки испортила.

Тут мое неумелое вранье прервала хлопнувшая дверь. В коридор со счастливой улыбкой выпал Вячеслав. Парень был какой-то… не слишком адекватный. Я пискнуть не успела, как почувствовала некоторую невесомость.

– Свобода! – кружа меня на руках, ликовал он. – А что это с тобой? Почему с тебя вода течет? Или ты с Ниной встретилась?

– А она уже защитилась? – Я думала, однокурсница до последнего станет тянуть резину, выжидая, пока преподаватели устанут.

– Защитилась.

– Все как обычно?

– А то, – пренебрежительно хмыкнул юноша. – Слезы, сопли и ошеломляющий финал – пятерка.

Я усмехнулась. Кто бы сомневался.

Нина – парадокс красного диплома в действии. С самого первого зачета на первом курсе она объявляла преподавателям, что идет на красный диплом. Те, не желая его «срезать», ставили пять, хотя иной раз больше тройки Нина не заслуживала. Если же препод выражал сомнение в целесообразности работы такого специалиста, в его кабинете начинался потоп. В итоге Нина, конечно, «наревела» на красный

диплом. Иногда мне было даже завидно.

Сама я негласно носила прозвище «смерть-катастрофа», хотя к природным и техногенным бедствиям отношения никакого не имела. Со мной всегда что-то происходило, а все экзамены я сдавала с приключениями.

Так, единственный раз, когда я попыталась схитрить на экзамене, случился на втором курсе. Благодаря вольному образу жизни в общаге к летней сессии у нас как раз нарисовались несколько беременных. Преподаватели их не особо гоняли, чем я по наивности и захотела воспользоваться. Сняла пояс с платья свободного кроя и визуально оказалась на пятом-шестом месяце. Все бы прокатило, если бы слух не разлетелся по всей академии, а всадник Война не поинтересовался у папы, как же он за дочкой не уследил и когда за внука проставляться будет. Папа почему-то в восторг не пришел.

Зато к наказанию, в тон к моей выходке, подошел творчески. Отправил месяц работать на кладбище. Скука смертная, тишина и мертвые с косами, а среди них я. Тоже с косой и – видит вечность – мертвая от скуки! С тех пор на экзаменах и зачетах я надеялась только на себя да на шпору в подкладке мантии.

– Джульетта! – окликнул папа. – Ты про защиту не забыла? Плакаты вешать кто будет? И приведи себя в порядок, ты как выхухоль!

– Ты вообще хоть раз выхухоль видел? – крикнула я ему вслед.

Но папа уже не слышал, у него кончился перерыв, и комиссия начала слушать следующего выпускника. А мне и впрямь стоило поторопиться, если не хотела, чтобы диплом дали из жалости. Впрочем, может, это не такая уж плохая идея?

* * *

Какой смысл в дресс-коде для защищающихся, если под мантией все равно ничего не видно? Но нет же, каждый год бедным смертям выдают целый список бредовых требований. Голые ноги? Неприлично. Платье или юбка, темные цвета – что мы, цирк, что ли, чтобы яркое и позитивное носить? Интересно, они когда-нибудь пытались высушить колготки сушилкой для рук?

Спустя пятнадцать минут о моем заплыве напоминал лишь мокрый пучок на голове. Вот только чтобы развесить плакаты и графики, у меня оставалось всего пять минут.

Едва я воткнула в деревянную раму последнюю кнопку и полюбовалась ровно висящими плакатами, вошла комиссия. Изрядно повеселевшая после короткого перерыва на кофе. Во главе шел бессменный ректор академии – всадник апокалипсиса Смерть, друг моего отца. Впрочем, тот факт, что Смерть еженедельно у нас ужинал, почему-то не добавил мне уверенности в собственных силах.

За ним следовал декан нашего факультета Танатос, а вот

присутствие отца не порадовало. Я до последнего надеялась, что он, сославшись на этику, пропустит мою защиту. И как порядочный папа будет сидеть на заднем ряду и волноваться. Но папа оказался непорядочным и выбрал роль преподавателя. То есть за любой косяк меня опустят морально на защите и, если что, добавят дома. А потом еще долго будут подкалывать.

Секретарь приемной комиссии, молоденькая чуть полноватая блондинка-смерть, поставленным голосом зачитала:

– Вниманию комиссии представляется выпускная дипломная работа за авторством адептки Джульетты Мор. Средний балл четыре целых и одна десятая.

Я откашлялась.

– Добрый день, уважаемые члены комиссии. Позвольте представить мою работу по теме «Работа с душой, чье материальное воплощение подверглось воздействию специфических заболеваний в несвойственных им климатических зонах при отсутствии специализированных средств».

Если иначе, то я пыталась рассказать, как быстро и безболезненно отправить по назначению душу мужика, который пренебрегает правилами гигиены в тропических местах земного шара.

Комиссия с выражением лиц «Кто бы сомневался?» покосилась на отца.

Но мне было все равно. Пусть решают, что диплом за меня написал папа, пусть хихикают. Главное – ничего не напу-

тать. Мне надо было коротко рассказать, как вообще все так получилось, какая была душа, а затем подгадать время и отправить ее на перерождение. И все на глазах у комиссии.

Я провела ладонью по плакату, выводя на него изображение мужчины в возрасте. Когда-то он наверняка был здоровяком. Вегетарианец, любитель бега трусцой, ни разу не осквернивший организм картошкой фри. Да только с интеллектом не очень – пить из незнакомого водоема даже мы, смерти, не рискуем. Конечно, мы, в отличие от него, бессмертны. Но кому хочется провести пару часов в уборной, испив водички из неизвестной лужи?

Смерть наклонился к отцу и что-то прошептал. Тот согласно кивнул. Мне почудилось в его глазах удовлетворение, и я ожила. Быстро оттараторила всю теорию, провела анализ деятельности души, правильно определила уровень в царстве мертвых. И, наконец, приготовилась к практической части.

– Что ж, адептка Мор, прошу, – кивнул Смерть. – Изымите душу и проводите в царство мертвых. Помогите выбрать новое воплощение и передайте эту работу жизням.

Я затаила дыхание. Важно не упустить момент, когда душа выйдет из тела.

От каждого удара собственного сердца я подскакивала. Наконец поняла – пора.

Я отвернулась от плаката, чтобы, во-первых, переместиться в мир людей, а во-вторых, показать это все комиссии. Но

на середине заклинания, что я едва слышно читала себе под нос, комиссия как-то странно напряглась и уставилась мне за спину.

Не выдержав, я умолкла и обернулась. А затем выронила папку с графиками.

Мертвец ожил! Сел, стащил с себя простыню, обернул ее вокруг бедер и с невозмутимой целеустремленностью пошел на выход. Тишина в аудитории была явно гробовая. Хоронили мой диплом.

– Адептка Мор, как вы это объясните? – периодически срываясь на рык, спросил Смерть, обведя рукой свиток, который сейчас демонстрировал только пустую кушетку.

Вот честно, мне впервые захотелось последовать примеру Нины и пустить слезу с воем «Я больше не буду!». Но это прокатывало в моем исполнении только с мамой, и я сильно сомневалась, что моя опухшая от слез физиономия проймет комиссию. Они и не такое видели.

Смерть мерно постукивал по столу ручкой, нагнетая обстановку. На десятом ударе я уже была готова выпрыгнуть в окно, но дальше меня пугать не стали.

– Неудовлетворительно. Ваш дипломный проект нарушает все законы посмертия, и, честно говоря, иного студента за подобную защиту вышибли бы с треском в мир смертных для подсчета эффективности гибели комаров от нового инсектицида. Да что там нарушает… ваш дипломный проект только что встал и скрылся в неизвестном направлении!

– А вторая уборщица вам не нужна? – вырвалось у меня.

Уж лучше тряпкой махать, чем в мир смертных! Тем более бытовой химии сейчас полно, это не так уж и страшно. Помою пол годик-другой, а там, глядишь, и уломаю папу на поступление в Институт искусств. Мама его закончила, и ничего. Правда, гораздо важнее то, что мама выгодно вышла замуж и ни дня не работала. Мне такой вариант пока не светил – желающих взять в жены ходячее недоразумение както не наблюдалось.

– Нет, места для бездарей в нашем учебном заведении строго лимитированы. Вон отсюда! Будем решать вопрос о вашей переэкзаменовке.

По лицу папы я поняла – лучше не спорить. Смерть вообще суровый, но отходчивый. Есть шанс отделаться малой кровью и пересдать через пару дней, со вторым потоком. Вот только как?

Всю дорогу до пристани я размышляла, что сделала не так. И никак не могла найти фатальную ошибку, приведшую к сбежавшему диплому. Неужели я настолько бездарна, что даже не поняла, как напутала?

Только на пристани я наконец остановилась и огляделась. Рядом никого не было, большинство или сидело по домам, или защищалось. Можно было дать волю чувствам. Самое страшное – разреветься на виду у всех. Тут же начнутся расспросы и утешения, приправленные внутренним злорадством. Мол, так ей, дочке препода, даже папочка не поможет,

если ты бездарь и неудачница.

Но, к счастью, меня никто не заметил. Немногочисленные адепты делились на две половины. Защитившаяся смоталась в город – отмечать, а не защитившаяся воплощала собой пословицу «перед Смертью не надышишься» и с мрачной решимостью пыталась запомнить то, что писалось в сигаретно-кофейном угаре за одну ночь.

Впрочем, была еще одна группа студентов. Ловцы халявы. С пристани мне было прекрасно видно, как они тянут руки с зачетками сквозь решетки на окнах. Зачем эти решетки на третьем этаже, я, правду сказать, не понимала, но подозревала, что явились они результатом отчаянной попытки не пустить халяву внутрь и заставить студентов хоть что-то выучить.

Через минуту до моего уха донесся тихий плеск воды, свидетельствующий о том, что Харон впервые на моей памяти изменил своему правилу «под лежачий камень мы всегда успеем» и приплыл по расписанию. Не дожидаясь, пока он причалит, я сняла туфли и пошла навстречу по мелководью. Харон, видя, что я одна, не стал подплывать ближе. Я подпрыгнула и уселась на борт гондолы, затем перекинула ноги и, встав на черное лакированное дно, поспешила занять место, оставляя на нагретом солнцем дереве быстро высыхающие следы.

– Ты издеваешься? – возмутился лодочник, глядя на мое опухшее от слез лицо. – Утром водами Стикса мне все си-

денья намочила, теперь сидишь рыдаешь. Что случилось-то? Завалила?

– Угу, – вытирая слезы рукавом мантии, только и смогла выдавить из себя я.

Вдох было сделать сложно, было такое ощущение, что сдавили грудину, я только и могла, что всхлипывать.

Неожиданно перед моим носом оказалась мятная конфетка в блестящем фантике.

– Спасибо, – всхлипнула я и машинально взяла лакомство.

– Ешь, истерика отпустит.

Я послушалась. Е-е-е, чистый ментол. Слезы мигом высохли. А если верить ощущениям, то еще и замерзли.

– Ну как? Полегчало? – с любопытством наблюдая за моим выражением лица, поинтересовался старик. – Как умудрилась-то? Спутала человека? Или взяла устаревшую тему?

– От меня покойник сбежал! – запихивая мантию в сумку, пробурчала я.

– Мужик?

Я кивнула, вдохновленная участием в его голосе.

– Бабу надо было тебе выбирать. С мужчинами у тебя вечные проблемы. То парень бросил, то теперь покойник сбежал. Не удивлюсь, если даже тараканы у тебя дома исключительно самки.

– Почему обо всех моих проблемах знает лодочник?!

– Наверное, мне на гондолу надо поставить табличку с

«шашечками». Может, тогда ты вспомнишь, что я транспорт, а не служба доверия, – парировал мужчина.

Я насупилась и сердито засопела, злясь в первую очередь на себя за болтливость. Пора искоренить в себе людскую привычку разговаривать с таксистом, у Харона и так на меня несколько томов компромата, начиная с тех светлых лет, когда самая страшная моя проблема решалась вырыванием страницы дневника и спуска ее в виде кораблика в Стикс.

– Смерть что сказал?

– Вкратце? Два, позор, свободна.

Ответить лодочник не успел, мы доплыли до пристани, и я, опять проигнорировав мостки, спрыгнула в воду. Харона окатило тучей брызг.

* * *

– Дом, милый дом, – пробурчала я, когда в конце улицы показались знакомые ворота.

Никогда еще мне не было столь тоскливо в него возвращаться. Начнутся расспросы, причитания. А что я им скажу?

Еще на подходе к дому я поняла, что там происходит что-то нехорошее. Из приоткрытого окна тянулся тонкой струйкой странно пахнущий сизый дымок. Фели!

В метре от дома дышать, не чихая и не вытирая набежавшие слезы, стало невозможно. Готовит она, что ли? С чего такой дым?

Все стало ясно, когда сестра объявилась на пороге.

– Прекрати тыкать в меня этой дрянью! Платье прожжешь! Ты что, веник подожгла? – пытаясь увернуться от здоровенного пучка благовоний, с порога накинулась на нее я.

– Это полынь, она изгоняет негативную энергию!

Я тихо порадовалась, что негативную энергию изгоняет полынь, а не мамины любимые сортовые бархатцы. Их торжественное сожжение нам бы точно не спустили, а за полынь, может, даже спасибо скажут. Тут наконец дым рассеялся, и я разглядела сестру. Мама родная…

– Ну как? – Она кокетливо крутанулась передо мной, ожидая восторженных ахов и охов по поводу демонстрации всех цветов радуги в волосах.

– Такое ощущение, что на твою голову нагадил сказочный зверь единорог.

Опять двадцать пять. Очередная неделя, очередная смена имиджа и очередная смена взглядов на жизнь. Кто она на этот раз?

Итак, моя сестра. Офелия Мор, личность еще более неординарная, чем я. Но – к ее счастью – более везучая.

Лет в тринадцать стукнула ей в голову идея сделать мелирование. Поскольку папа эту затею внезапно не одобрил, сделано было это тайком. Результат превзошел все ожидания. Ну или соответствовал им, она ведь хотела осветлить отдельные пряди. Только вот они почему-то оказались отдельно от

головы.

Через неделю остатки сестренкиной шевелюры приобрели ровный и насыщенный изумрудный цвет.

Когда папа впервые увидел зеленый причесон Фели, он не знал, как реагировать. Я же подошла с практической стороны и предложила прицепить ей звезду на макушку и сдавать смертным в аренду на Новый год.

Мама эксперименты с внешностью поощряла, называя их становлением личности, а мы с папой предпочитали развлекаться за счет сестры. Помню, когда она объявила, что будет вести здоровый образ жизни, нам было не лень вставать в шесть утра, дабы вылить на спящую Фели ковш холодной воды, чтобы совместить побудку с закаливанием. Она хотела вставать в шесть утра и бегать? Хотела. Она выцыганила на кроссовки пять тысяч оболов?[2] Выцыганила. Тогда почему они стоят в шкафу? Непорядок. Сдалась она быстро.

Так мы и жили. Я – папина дочка, адептка Академии смертей и потенциальная наследница всадника апокалипсиса. Младшая – мамина любимица, заявившая практически сразу, что дело отца она не продолжит. Офелия и слышать не хотела о том, чтобы стать смертью. И вообще, она мечтала быть аистом. После такого заявления я уже готовилась искать позицию за диваном с таким расчетом, чтобы и видно все было, и случайно не зацепило. Но папа отреагировал на удивление спокойно, можно сказать, даже обрадовался. Бы-

[2] Древнегреческая серебряная монета, денежная единица в мире бессмертных.

ла у меня гнусная мыслишка, что его радость связана с тем, что на одно позорище с фамилией Мор в Академии смертей будет меньше.

– Ну? Кто ты на этой неделе? – роясь в холодильнике в поисках обеда, спросила я. – Радужный пони? Очередной персонаж смертных мультиков? Или ты начала изображать законы физики?

– Я дитя… Ой, а можешь мне супчик разогреть?

– У нищих слуг нет, – отрезала я, нагружая тарелку нарезкой и доставая бутылочку саперави, которой планировала отметить диплом. Ну, теперь скорее помяну, но винишко явно в тему. Все, меня не трогать, я занята на ближайшие… пару десятков лет.

– Ты диплом-то защитила? – опомнилась Офелия.

Пришлось сделать вид, что вопроса не слышала.

Но разве можно в этой семье долго хранить секреты? Смерти вообще дюже болтливы. В одном конце города чихнули, во втором платочек достали. Так и сейчас, к концу дня о моем провале знали все. Все, включая Цербера, который пришел ластиться и меня жалеть. Три головы смотрели сочувственно и требовали гладить каждую и много, забывая почему-то о том, что руки у меня всего две.

Цербер был с нами уже почти десять лет, и, пожалуй, это единственный член семьи, которому плевать на мои неприятности. Независимо от того, какую оценку я получала и что проваливала, Цербер готов был меня любить и охранять. Ко-

гда мы его только взяли, папа даже думал сделать из него настоящего охранного пса, вот только курс дрессировки Цербер завалил. Хотя я до сих пор считаю, он был не виноват! Кидали-то ему одну игрушку, а головы у него три, и каждая хотела вкусняшку в награду.

От нечего делать я начала вычесывать пса. Надо заметить, успокаивало это довольно неплохо. Вот только разноцветная голова сестры, показавшаяся в дверном проеме, нарушила эту идиллию. Судя по выражению лица, Офелия собиралась отыграться за все. И за побудку в шесть утра, и за пикники под окнами, и за магниты, прилепленные ей на пирсинг, пока она спала.

– Ну что, Гарри Поттер, ноешь? – с елейной улыбкой поинтересовалась мелкая.

– Почему Поттер? – После бутылки вина у меня было туго с ассоциациями, да и вообще отказывали тормоза.

– Потому что на ближайшее время метла – твой верный спутник. Без диплома тебя только улицы мести возьмут, – вывела логическую цепочку мелкая зараза, за что и получила в лоб огрызком груши.

Фели заорала и бросилась в атаку.

Легко побить младшую сестру, которая меньше тебя на голову и младше на шесть лет? Да, если вы обе правши. А тут… Я ей с правой, она мне с левой, и через секунду по ковру катается клубок из двух тел, а вокруг него носится Цербер, норовя укусить за задницу того, кто громче орет.

Преимущество было то у меня, то у сестры, но верх никто не брал. И эта потасовка уже начала надоедать, как вдруг вся наша троица повисла в воздухе. Я, держащая Фели за лохмы, и Цербер, вцепившийся в ее штаны.

– И что это, с позволения сказать, за репка в постановке авангардного театра ближайшей психбольницы? – мрачно поинтересовался стоящий в дверном проеме отец.

Я впервые позавидовала псине. Тот не умел говорить, а даже если и умел бы, то его пасти были заняты. А папин взгляд тем временем остановился на мне, затем меня буквально отлепило от сестринского скальпа и поставило на пол. Следующие пять секунд ушли у папы на то, чтобы поддерживать мое пьяненькое тельце в вертикальном положении.

– Джульетта Мор, как это понимать? – Отец говорил на грани крика. Одно слово – и взорвется.

– С юмором и долей иронии? – По ходу, у меня отказали не только тормоза, но и инстинкт самосохранения.

Но, вопреки опасениям, из комнаты вынесло не меня, а сестру с собакой, так еще и дверь за ними захлопнулась.

– Значит, так. Я два часа уламывал Смерть, чтобы он проявил к тебе снисхождение. Я пообещал ему отдежурить два апокалипсиса вне очереди. И я не позволю, чтобы мои усилия пошли прахом из-за твоего приступа жалости к себе. Поэтому сейчас ты перестанешь изображать смерть на дне бутылки и отправишься под холодный душ, чтобы протрезветь. Затем прилично оденешься и поможешь матери накрыть на

стол. В три часа придет Смерть, и хоть на клей себе улыбку прилепи, но будь с ним милой и обходительной. Если все пройдет хорошо, есть шанс, что он оставит тебя в Академии.

После отдачи приказов отец развернулся и покинул мою комнату, а я поплелась выполнять родительскую волю.

* * *

Стою… На мне белый сарафан с зеленым цветочным узором, волосы убраны в ажурный пучок, и в зеркало лишний раз взглянуть боюсь. Папа, опасаясь, что я в знак протеста выкину что-нибудь эдакое, прислал маму мне в помощь.

В каком уголке шкафа она откопала эту жуть? По-моему, это платье не просто не пострадало от вездесущей моли, но и сожрало ее само!

– Джули, не морщись! Ты прекрасно выглядишь.

– Я похожа на бабушку с фото сорокалетней давности.

– Между прочим, твоя бабушка всегда одевается по моде!

– Но при чем здесь я и мода сорокалетней давности?

Бабушка, к слову, в свои двести лет выглядела на тридцать и в прошлый свой визит с удовольствием носила короткое платье. Но нет! На, доченька, поплиновый сарафан. Хорошо, хоть кринолин, как на бабушкином парадном портрете, не нацепила.

Фели, напротив, с видом девочки-цветочка пыталась прилепить брошку к платью. С моего ракурса было прекрасно

видно жирный слой тонального крема под ее левым глазом. Аж гордость разбирала. Почти профессиональная.

Наконец часы в гостиной пробили три раза, и мы выстроились у парадного входа в ожидании гостя.

Видно, алкоголь не до конца выветрился из моей головы, раз я посмела вслух ляпнуть:

– Что он к нам ходит каждую неделю? Или у него такой способ экономить на еде?

Тут на меня шикнули в два голоса, а сестра вообще наступила на ногу.

Мое сердитое шипение заглушил дверной звонок.

Офелия наперегонки с Цербером кинулась к двери. Похоже, теперь гость получит четверную дозу щенячьего восторга от своего прихода.

– Дядя Смерть! – Фели на практике подтвердила дарвиновскую теорию, обхватив смерть как обезьяна дерево, разве что ногами его не обняв. Правда, это больше напоминало дарвиновскую деградацию.

Я уже прикидывала, где в нашем доме искать ломик, чтобы отлепить сестру от добычи, но папа повторил на бис фокус с телекинезом и отправил дочь накрывать на стол.

Мы втроем едва сдерживали улыбки. О том, что сестра влюблена в ректора, знали все.

– А когда-то Фели меня обнимала за то, что я принес ей шоколадку, – расправляя помятый сестрой пиджак, пробурчал Смерть. – А что теперь?

– Теперь ты сам в ее глазах гораздо лучше и вкуснее шоколадки, – не удержался отец. – И менее калорийный.

– Ну не скажи, – тихонько прокомментировала я себе под нос папино высказывание. – От общения с мужчинами тоже, бывает, полнеют. Ай!

Тяжелая у папы рука. А Смерть, кстати, на это только усмехнулся.

Ужин проходил в непривычном молчании. Мне кусок в горло не лез, поэтому я с унылым видом гоняла по тарелке веточку петрушки. Офелия тоже предпочитала пищу духовную и просто пожирала глазами гостя. Ну тут я удержаться не смогла, наклонилась к ее уху и едва слышно прошипела:

– Чтобы прижиматься к мужчине грудью, надо грудь сначала отрастить! Так что опусти глаза в тарелку и кушай капустный салат.

Мрачный хруст, раздавшийся через секунду, немного поднял мне настроение.

Украдкой я рассматривала мужчину, делая вид, что полностью сосредоточена на обеде. Смерть был выше отца, крупнее, широкие плечи свидетельствовали о каждодневных занятиях спортом. Волосы были коротко подстрижены, казались черными.

В общем и целом Смерть представлял собой не совсем типичного всадника апокалипсиса. Те обычно предпочитали быть чем-то вроде «то ли баба, то ли кто» с длинными волосами, длинными пиджаками с десятком сверкающих засте-

жек, с томным взглядом, обещающим явно не конец света. Когда Смерть стал главой, он полностью сменил всадников на взрослых и адекватных мужчин.

Из особых примет у магистра был только нос с горбинкой. Но я совершенно не к месту подумала, что этого будет недостаточно для опознания, если вдруг его переедет грузовик. Хоть бы татушку сделал.

Когда мы ушли из столовой, часы показывали половину пятого. Мама сделала всем кофе, вынесла блюдо с пирожными. Смерть откашлялся и взглянул на меня так, как умели смотреть только всадники апокалипсиса.

– Думаю, не стоит тянуть кота за хвост, рассказывая тебе, какие последствия может иметь твоя ошибка, – размешивая сахар в кофе, начал разговор ректор.

Я сидела ни жива ни мертва, только нервно одергивала юбку и натягивала ее на колени.

– Фантазия у тебя хорошая, ты, наверное, уже сама придумала массу вариантов. Так вот, любого другого я бы с удовольствием отчислил. Но все-таки, поскольку мы с твоим отцом друзья, я сделаю тебе небольшую скидку. Останешься на второй год, сдашь аттестацию заново и напишешь новый диплом.

Я не могла поверить свалившемуся на голову счастью. Да, придется еще год отсидеть на парах, да, написать новый диплом. Но что, в сущности, год по сравнению с вечностью?

– Спасибо! – улыбнулась я, разом вернув аппетит и поку-

сившись на пирожное.

– Есть еще одно условие. Ты исправишь свою ошибку. Найдешь умертвие, вернешь на место и заметешь все следы. Понятно?

Тучи, сгустившиеся было над пирожными, рассеялись. Есть их передумали.

– А вам точно уборщицы не нужны? – вяло протянула я под суровым взглядом родителей.

Глава 2
Погоня за некромантом

Выполнять первое условие Смерти я подорвалась буквально на следующее утро, хоть голова и трещала от выпитого вина. Папа уже был на работе, мама и Фели еще спали, когда я тихонько выскользнула из дома. Только Цербер приоткрыл глаза на двух головах, потревоженный моим шебуршанием.

Утренняя прохлада немного прояснила мысли.

Если хочешь найти сбежавшего покойника, начинай с того места, где он этим покойником стал. Мой экземпляр ушел из больницы, а значит, надо выяснить, что о нем знают врачи. Может, он практиковал какую-нибудь магию вуду и самовоскресился?

Я пролетела мимо Харона, который мирно спал в своей гондоле, мимо еще не открывшегося кафе, к большому постаменту, где под аркой находился стеклянный ящик, именуемый людьми лифтом. У ящика дежурили три миловидные бабульки. В такой час они, естественно, спали. Вязания и вышивка валялись на полу рядом.

– Эй! – Я пощелкала перед носом одной. – Клото! Проснись!

– Ходят тут… – пробормотала во сне бабулька.

– Топчут, – откликнулась другая.

– Наркоманы, – поддакнула третья.

И они дружно всхрапнули.

– Подъем! – рявкнула я не своим голосом.

– Чего кричишь? – недовольно пробурчала Клото. – Куда в такой час? Не было приказа!

– Был, – насупилась я. – Смерть разрешил. Мне в мир смертных надо.

– А-а-а, – хитро улыбнулась Лахеса, – это же Джули Мор. Покойничка искать побежала?

– Ушел диплом, – захихикала Атропа.

Я не стала слушать их издевки и просто вошла в лифт. Уши горели от злости и стыда. Теперь только ленивый не пройдется по моему провалу. Лучше бы мне найти пропажу как можно скорее.

Двери закрылись, и последнее, что я увидела, были ехидные лица мойр[3]. Потом лифт ухнул в неизвестность с такой скоростью, что меня прижало к полу. Кабина наполнилась визгом. И так же резко все кончилось. Раздался негромкий писк, двери открылись…

– Вам помочь? – вежливо спросил какой-то азиат в дорогом костюме, оторвавшийся от смартфона.

– Э-э-э… нет, спасибо.

Я поднялась, отряхнувшись и пригладив растрепавшиеся волосы.

---

[3] В древнегреческой мифологии – духи судьбы.

Лифт привез меня в какой-то крупный развлекательный центр. Всюду сновали люди, нагруженные пакетами, коробками и сумками, звучала музыка, дразнили аппетит съедобные запахи. Царила такая суета, какая не царит у нас в канун Хэллоуина.

– Извините! – недовольно пробурчала полная женщина, задев меня пакетами.

Я поспешила двинуться вместе с потоком людей, отчаявшись понять, как тут все устроено. В руке крепко сжимала карту, где был отмечен путь к госпиталю, ставшему отправной точкой увлекательного путешествия моего подопечного.

Одна проблема – в мире людей без сопровождения я была впервые.

* * *

В приемном отделении я мялась несколько долгих минут, прежде чем решилась подойти к какому-то врачу. В руках для убедительности я держала пакетик с фруктами и соком.

– Да? Вы кого-то ищете? – Женщина в белоснежном, идеально отглаженном халате оторвалась от планшета.

Угу, ищу. Покойничка ищу, диплом свой ищу, справедливость в этом мире – который год ищу!

– Я знаю, что его зовут Джереми и он из страны Эркатор, и… в общем-то, все. – Я замялась, не зная, как объяснить свой интерес, а потом начала вдохновенно врать. – По-

нимаете, пару недель назад я осталась посреди города одна, в дождь. И Джереми мне помог. Он оставил визитку, я так хотела его поблагодарить! И узнала, что он в больнице… Я слышала, у него нашли какую-то редкую тропическую болезнь?

– А, тот Джереми, – помрачнела врач. – Знаете, я бы тоже очень хотела с ним увидеться. Вчера днем он сбежал из больницы. И сейчас его ищет половина города. Мы на грани эпидемии! А меня, похоже, уволят. Шли бы вы, девушка, домой. И если он с вами свяжется – обязательно обратитесь в полицию. Ума не приложу, как он сумел уйти?!

Врач уже говорила не со мной, а скорее сама с собой. И я поспешила удалиться, чувствуя, что вот-вот впаду в панику. Эпидемия?! Это конец! Полный! Если его найдут, поймут, что мертвый…

Зомби-апокалипсис начался из-за бездарной студентки. Смерть меня не просто отчислит, он меня на месте испепелит.

Улучив момент, я проскользнула в блок палат для заразных больных. Мой подопечный находился в самой дальней палате. Сейчас она уже не представляла собой карантинную зону, там убиралась пожилая женщина, чем-то напомнившая мне наших мойр.

– Ой, – я сделала вид, что жутко удивилась, – а где пациент?

– Преставился, – буркнула уборщица и принялась ожесто-

ченно тереть пол шваброй. – Нет больше пациента. А ты чего здесь? Тут закрытая зона. Давай-давай, пока я охрану не позвала.

– Да ладно вам, – улыбнулась я, – возьмите лучше фрукты, раз пациента нет.

Я заглянула за койку, чтобы посмотреть, что там она отмывает. Обомлела и открыла рот, так и оставшись посреди палаты. Мой шок заметила уборщица и закатила глаза.

– Это что? – наконец выдавила я.

– Новый санитар, зараза, весь мелок от тараканов извел на всякую похабень! Говорила же, шо он сатанист!

На полу, под койкой, была аккуратно начерчена пентаграмма.

Вечность, ну почему в кино за ошибку в одном слове неудачливого мага раскатывает по земле, как масло по бутерброду, а тут у придурка, начертившего пентаграмму мелком от тараканов и принесшего в жертву замороженные гэмэошные куриные потрошка из ближайшего супермаркета, все получилось?!

– А где этого санитара найти? – спросила я.

И через пару минут уже имела на руках листочек с адресом. Фрукты и сок сделали чудеса, у санитарки явно была небольшая зарплата, раз она так радовалась гостинцам для внуков. Стоило ли говорить, что меня едва ли не проводили до места обитания первопричины всех моих бед.

– Тук-тук-тук, я – человек-паук! – вкрадчиво пробормо-

тала я, стоя под дверью малогабаритной квартирки.

Вообще, она больше напоминала просторный гроб, но зато располагалась в престижной многоэтажке. Нет, мне-то нравилось. Но какой идиот будет платить такие деньги за такое убожество?

Дверь открылась, и на меня уставились два серых удивленных глаза.

– Привет, – осторожно протянул парень.

Я быстро его рассмотрела. Чуть старше меня, помят – с похмелья, темные, коротко подстриженные волосы. Широкоплечий и довольно симпатичный. Точнее, показался бы симпатичным, не будь я зла.

– Ты кто? – спросил он.

– Джульетта, – мрачно отозвалась я.

– Джульетта?

– Мама фанат историй в стиле «все умерли», а Шекспира в этом никто не переплюнул.

– А почему не Гамлет?

– Мою младшую сестру Офелия зовут.

– Гы-гы-гы, а братца Макбета у тебя нет?

– Еще одно слово, и тебя начнут называть Йориком!

– Погоди, погоди! – Горе-некромант улыбнулся и выставил вперед руки. – Ты чего хотела-то?

– Я? Я хотела сломать тебе шею, но тогда ты не сможешь говорить, а я с удовольствием послушаю занимательный рассказ о том, что ты делал вчера утром!

Под моим напором некромант наконец сдался и пустил меня внутрь. В квартирке царил настоящий бардак, да такой, что я не сразу поняла, что груда книг, бумажек и обрезков – это кресло, в которое можно сесть.

– Тебя как зовут?

– Макс, – растерянно ответил парень. – А что…

– А то, – отрезала я, – что из-за тебя меня диплома почти лишили! Зачем ты его оживил?!

– Диплом? – ошалело уставился на меня некромант.

– Почти! Так… давай по порядку. Ты ритуал проводил?

– Проводил.

И вот тут-то в голосе Макса промелькнуло подозрение. Он, похоже, сам испугался собственных мыслей и умолк.

– И зачем ты его оживил? Кто он? Отец? Брат? Дядя? Задолжал тебе денег?

– Да как-то… – Некромант замялся. – Понимаешь…

– Не очень.

– Я не помню.

Тут настала моя очередь смотреть круглыми глазами и беззвучно открывать рот.

– Как не помнишь?!

– Я был пьян, – смущенно признался парень. – Решил для смеха попробовать ритуал.

– Это вообще как?! – пораженно выдохнула я. – Как можно для смеха, по пьяни, найти некромантский ритуал, сперетъ мелок от тараканов, завалиться в первую попавшуюся

палату и оживить покойника?! Ты вообще нормальный?

– Я же не знал! Я вообще не думал, что он сработает. А ты кто? Из полиции?

– Я – смерть!

– Чья?

– Была – его, а стану твоей! Это был мой диплом! Я должна была закончить Академию смертей и стать настоящей смертью! Я хотела строить карьеру! Хотела выбиться во всадники, как отец! А ты… ты… алкаш! Теперь меня оставили на второй год, а по городу ходит зомбяк! Кто дает таким идиотам магию? Как ты дожил до своих лет вообще?! Все, у меня истерика!

Я помолчала пару минут, приходя в себя и унимая злость. Нет, ну как так можно?! Что творится в голове у человека, который так себя ведет? Невыносимый болван! Где теперь искать этого покойника? Куда он ушел?

– Ну? Ты хоть как-то прореагируешь на то, что я тебе сказала?

– Честно говоря, я как-то по-новому взглянул на сказку «Варвара-краса, длинная коса».

– Джульетта, – мрачно напомнила я. – Где взял ритуал?

– В Сети.

– Покажи.

– Не помню, я на работе выписал. Там в истории браузера должно остаться.

– Хорошо. – Я наконец взяла себя в руки и напрягла па-

мять. Что-то по некромантии у нас было. – Чтобы понять, куда ушел зомби, нам надо, во-первых, выяснить, чем он жил в обычной жизни, что любил и куда стремился. А во-вторых, провести обратный ритуал. Значит, идем к тебе на работу и ищем инструкцию! Иначе нам обоим конец. Мне – потому что не исправлю ошибку, а тебе – потому что я буду зла! К тому же, если из-за этого покойничка начнется массовая пандемия, мне добавит еще и отец. Он не слишком любит апокалипсисы. Пошли!

Я встала с кресла и направилась к выходу. Уже у самых дверей меня остановил вопрос:

– А с чего я должен тебе помогать?

– Напомню, что я смерть, а значит, ждать могу очень долго. Хочешь, следующий диплом напишу о тебе?

– Я, вообще-то, умирать не собираюсь.

– Это ты так думаешь. У меня фантазия хорошая, организую. Оргкомитет премии Дарвина[4] обрыдается от зависти.

Макс почему-то не проявлял должного благоговения передо мной и на последнюю реплику рассмеялся. Парень поднял руки вверх, словно сдается, и весело проговорил:

– Ладно-ладно, я иду с тобой. Не ершись.

Не был бы он мне нужен для проведения обратного ритуала – прибила бы!

День меж тем перевалил за вторую половину. Еще пара часов, и начнет смеркаться, а с первым ударом полуночи мне

[4] Премия, присуждаемая лицам, которые наиболее глупым способом умерли.

нужно будет вернуться. К тому же еще пора начинать процедуру перевода на курс ниже. И каникулы в этот раз короткие, двадцать дней – и опять на пары. Честно признаться, я уже мечтала, что покину академию раз и навсегда. И вот – сюрприз.

Макс невозмутимо шагал рядом. Я готовилась немного к другой реакции, люди ведь не привыкли, что рядом с ними есть и другой мир, магический, отличающийся от их привычного. На удивление, два совершенно разных мира за столетия не только не смешались, но и приобретали все новые и новые отличия. У нас был предмет, на котором объясняли, как выжить в мире людей. Но я то ли болела, то ли проспала пару лекций. И Макс был как нельзя кстати.

Впрочем, я погорячилась, подумав, что его совсем не шокировало мое появление. Парень нет-нет да и бросал на меня взгляд. Старался рассматривать незаметно, но как-то плохо старался.

– Что? – не выдержала я.

– Это что такое? – Он ткнул пальцем в кулон, болтавшийся у меня на шее.

– Кулон с символом академии, – нехотя отозвалась я.

– Гранат? А почему не череп?

– Сначала был череп, а потом нас начали путать с готами. Куда ты так несешься, я не успеваю!

– А ты каблуки сними, – посоветовал парень.

– Вот еще! – фыркнула я и тут же запнулась о краешек

мантии.

– Тебе обязательно носить этот балахон? – спросил Макс, поднимая меня с земли. – Мы так всю больницу напугаем. Хорошо хоть, без косы пришла. Кстати, я думал, у вас под балахоном скелет.

– Скелет, – пробурчала я, отряхиваясь, – а сверху плоть и кожа. Честное слово, стоило одному придурку удрать на работу с маскарада – и все, мы увековечены как ходячий экспонат из музея анатомии.

Макс как-то странно фыркнул и отвернулся, чем окончательно меня добил. Я всегда испытывала стресс, оказываясь в незнакомом коллективе. А в мире смертных не только коллектив, там вообще все было новым и непонятным!

Наверное, я напоминала папуаса, но стоило больших усилий не разглядывать любую мелочь с открытым ртом. У меня было мало практики в мире людей. Одно дело – проскальзывать мимо витрин в виде бесплотной тени, спеша за душой, и совсем другое – не спеша разглядывать окружающий мир. Поэтому не было ничего удивительного в том, что я на минуту дольше задержалась у яркой вывески зоомагазина, и Макс ушел вперед. Пришлось, обещая ему все муки вечности, догонять бегом. Это оказалось не так-то просто в плотном людском потоке, и я заметно отстала.

Какая-то грузная женщина с красными ушами чуть не сбила меня с ног, я снова запуталась в мантии и, чтобы не упасть, совершенно рефлекторно вызвала косу. И только ко-

гда оперлась на древко, поняла, что нахожусь в людном месте, видимая. К счастью, мой косяк никто не заметил. Коса исчезла, мое равновесие было восстановлено.

Макс далеко впереди уверенно пробивался к корпусу инфекционных болезней. Я успела заметить, что он свернул к черному ходу, и поспешила следом. Уже на подходе меня насторожили странные звуки. И не зря.

Я опоздала всего на минуту, а его уже пытались бить. Парень явно был любимцем коллектива. Пара крепких ребят в больничной форме как раз намеревалась исправить ему прикус, когда я вырулила из-за угла. Какая прелесть! Они почти воплотили в жизнь мою мечту двух последних дней. Любовалась бы и любовалась. Правда, Макс в долгу не оставался, и перед дверями корпуса разворачивалась нешуточная драка. Однако, как бы ни хотелось еще понаблюдать за попыткой избиения некроманта, если не вмешаться, то внятно объяснить свои действия он сможет только после того, как обзаведется вставной челюстью, а это не быстро.

– Что, опять приперся? – донеслось из этой свалки.

– Ребят, – слишком ловко для страдающего похмельем выставляя блок, попытался воззвать к их разуму Макс. – Ну срочно надо в отделение.

– Надо? Устроим… в травматологию. Там санитары покрепче, их спирт ты точно не вылакаешь, – тщательно выговаривая каждое слово между ударами, сообщал самый здоровый мордоворот. – Мы тебе говорили, чтобы ты здесь

больше не показывался?

– Да особо и не хотелось! Меня заставили! Сам бы я не пришел!

– И кто?

Видно, им для душевного спокойствия требовалось расширение ассортимента жертв.

– С… – осекся Макс, до которого дошло, что если он сейчас начнет рассказывать про ожившего покойника и смерть, заявившуюся с визитом, то рискует прописаться в больничке на правах сумасшедшего.

А я наконец придумала, как спасти его от мордоворотов. Тихо сделала пару шагов за угол, чтобы через секунду выскочить оттуда с криком:

– Где эта зараза?

Остановилась, якобы впав в ступор от увиденного, и кинулась на помощь… к санитарам.

– Вы трогаете его без перчаток?

Надо отдать мужчинам должное, реакция у них была отменная, отпрянули они мгновенно. Макс, не ожидавший такого ослабления напора, тут же чуть не свалился. Протягивать ему руку я не стала, чтобы не ломать амплуа.

– Вы бы это… шли бы руки антисептиком протерли. А ты, сволочь, вставай! – Я рассерженно замахнулась на Макса, остановив кулак в последний момент. – Пошли, врачу будешь рассказывать, где шлялся, раз родной жене не признаешься! Зараза! Только я в командировку, как ты по бабам!

Да по каким, раз так чешешься. А ну пошел, пока я тебе ошейник от блох на одно место не намотала!

Мужчины, с интересом прислушивавшиеся к разговору, с сочувствием хмыкнули и поспешили в здание, дезинфицироваться остатками казенного спирта изнутри.

Выждав три минуты, мы пошли следом. Макс недовольно что-то бурчал.

Но тут мы напоролись на еще одно препятствие. Вывеска над входом гласила: «Приемные часы с 14:00 до 17:00». Часы показывали 17:46.

Решив, что наглость города берет, мы проигнорировали объявление и вошли в холл, чтобы тут же быть остановленными бдительным «Куда?» от санитарки.

– Читать разучились или цифр не знаете? Нету сейчас приемных часов.

По опыту общения с мойрами я знала, что вежливо мямлить в ответ тут не вариант. Это только укрепит бабку в ее подозрениях, и она поднимет хай на все отделение.

– Знаю! – добавляя в голос децибел, огрызнулась я. – Я тут днем была. И, по ходу, тут моему смартфону ноги приделали.

– Да не может быть! Тут порядочные люди работают!

– Да? А чего тогда ваши санитары моего парня избили, когда он спросил, не находили ли они чего? Где заведующий?

– Тихо, тихо… – Как я и надеялась, бабулька пошла на попятную. – Ты помнишь, где была? Может, тихонечко пой-

дешь осмотришь те места, куда ходила?

Для полного счастья она пошла с нами, видимо, опасаясь, что я захочу прихватить что-то из казенного имущества в качестве компенсации за утрату смартфона. Поэтому, скрепя сердце и скрипя зубами, я вытерла коленками весь пол в палате, делая вид, что ищу несуществующий гаджет. Единственным, что я нашла, был трупик таракана в углу. Гадость…

От некроманта помощи не было ровным счетом никакой, он тихонечко стоял в углу, больше занятый собой. А девушке помочь? Я тут кровать двигаю, а мне, между прочим, еще рожать… наверное. И вообще, мог бы подумать, как нам проскользнуть на его бывшее рабочее место.

Но Макс, напротив, словно специально делал все, чтобы взбесить меня.

– У меня кровь идет! – Он продемонстрировал ладонь, измазанную кровью, текущей из его разбитого носа.

– Запрокинь голову, – роясь в тумбочке, отмахнулась я. Может, там остались какие-нибудь личные вещи покойника, которые могут навести на след?

– Сдурела? – наклоняя голову вниз и сводя на нет всю работу уборщицы, возмутился некромант. – Хочешь, чтобы я захлебнулся?

– Было бы здорово. А ты нашел кого спросить про первую помощь. Забыл, кто я?

По ходу, не забыл, но, судя по его красочному моноло-

гу, смертью я была в последнюю очередь. А вот стервой – в первую.

Но я не успела ответить на тираду Макса.

– Что здесь происходит?

В палату вошел молодой мужчина с некоторой примесью азиатской крови во внешности, что его не портило. Судя по халату с бейджем, это был сотрудник больницы. Замечу, что симпатичный сотрудник больницы.

– Да барышня уверяет, что смартфон здесь потеряла, – поспешила перевалить свою проблему на чужие плечи вернувшаяся санитарка.

– Нашли? – проявил врач вежливый интерес. – Нет? Тогда попрошу вас покинуть отделение.

– А мне помочь не хотите? – прогундел Макс, не отнимая ладони от носа. – Я тут стою, кровью истекаю, а вы ноль внимания!

Умеет он выбрать момент. Как только ему уберут синяк и смоют кровь с лица, тут же опознают санитара-сатаниста. Уж потерпел бы, от носового кровотечения почти не умирают, разве что Аттила[5], но когда это было.

– Молодой человек, у нас практиканты! Приемное после футбольного матча забито, а тут вы со своей ерундой.

Врач подошел, положил руку поверх руки некроманта и с силой сжал.

– Держите так десять минут.

---

[5] Правитель гуннов, умерший в 453 году от носового кровотечения.

Макс взвыл, а я возвела глаза к небу. И кто здесь слабый пол? Нет, мне как смерти виднее. У женщин выше болевой порог, они менее чувствительны к потере крови. А почему мы готовы ныть из-за уколотого пальчика? Да чтобы не смущать мужчин. Я отлично помню реакцию папы, когда Фели упала и раскроила себе лоб. Всадник апокалипсиса чуть не заработал инфаркт. Если бы мама пришла на полчаса позже, то ей бы пришлось еще и мужа откачивать. Он честно не знал, что если твой ребенок бессмертный, это не спасет его от разбитых коленок.

Вот и сейчас Макс должен быть благодарен за то, что я – существо негуманное и не добила его из жалости в ответ на гнусавые страдания. Нас, между прочим, только что вежливо попросили на выход! А он тут умирающего лебедя изображает.

Когда мы вышли из палаты, некромант особенно душераздирающе вздохнул, и до меня наконец дошло, на какую аудиторию он работает. У стойки регистратуры стояла стайка практикантов из медучилища. И все очень воодушевились, увидев смазливого пациента, который, вопреки инстинкту самосохранения, не убегал от них. А это идея… Оставив Макса на сестричек, я проскользнула в туалет. Там провела по мантии рукой, превращая ее в белое одеяние аиста. За халат сойдет. Волосы в косу и в пучок, наколдовала себе очки – и пожалуйста, вылитая студентка меда.

Некромант встретил мою смену имиджа, подцепив паль-

цем рукав балахона и иронически спросив:

– На тебя в туалете напала тетя Ася?

Вместо ответа я ловко схватила его за переносицу и сжала. Класс. И некроманту мщу, и не придерешься – оказываю первую помощь.

Так, теперь надо влезть в компьютер незадачливого повелителя мертвых и прочитать, что за ритуал он провел. Дождавшись, когда санитары выйдут покурить, я тихонечко зашла в их комнату. А там меня ждал сюрприз. Не было компьютера! Я несколько минут беспомощно озиралась. Все убранство комнаты состояло из стола, двух диванов, холодильника и экрана, на который выводилась информация с поста внизу.

– Девушка? Вы что здесь забыли?

Что делать? Так, Джули, спокойно! Вспомни, что говорила подруга про мир людей. Если нет карты в смартфоне, то ее с успехом заменяет грудь и глупое выражение лица.

– П-простите, я здесь первый день, и мне сказали что тут ординаторская, – запинаясь, пробормотала я.

Расчет оправдался. Мужчинам польстило, что я приняла их за врачей, да и грудь свое дело сделала, поэтому я без скандала покинула комнату, сопровождаемая заинтересованными взглядами. Мне даже показалось, что зомби-апокалипсис уже начался и надо звонить папе.

Макса долго искать не пришлось, он как раз так удачно наклонился, чтобы достать из щели автомата шоколадку, что

я не удержалась и отвесила ему легкого пинка по заднице, весьма симпатично обтянутой джинсами. Парень от неожиданности боднул головой автомат и резво развернулся.

– Ты что творишь?!

– Ты где компьютер взял? Ты совсем-м-м!

Видимо, некроманту надоело меня слушать, и он использовал шоколадку как импровизированный кляп. Мог бы хоть развернуть.

– У врачей.

Надеюсь, он хорошо расслышал, как я его назвала, а если не смог разобрать мое мычание, то хотя бы догадался.

И как туда попасть? Там сейчас минимум один врач и куча практикантов! Тут я краем глаза заметила черную тень. Смерть! К счастью, встретить своего в больнице – плевое дело. Щелчок пальцами – и я в своем привычном одеянии черного цвета. Так, мужик мне не знаком. Интересно, тут номер с грудью не прокатит?

– Подскажите, пожалуйста, вы в какую палату? – обратилась я к нему. – А то я жертву для диплома выбираю.

– Пятая, – недовольный тем, что я его отвлекаю, пробурчал смерть и исчез. Прокатило.

Я подхватила Макса под локоток и устроилась за дверью ординаторской ждать. Сигнал из палаты раздался спустя три минуты, и, как я и ожидала, сначала вылетел врач, а за ним любопытные сестрички.

– Чтоб ты сегодня ни с чем ушел, – пожелала я угрюмому

коллеге.

Подождав, пока они скроются в палате, я тихонечко просочилась внутрь. Отлично, комп работает. Эй! Чего это он? Несмотря на то что я нажимала все клавиши, компьютер остался глух к моим молитвам.

– Пароль нужен. Ну-ка, отойди!

Некромант грубо потеснил меня и сам стал вводить символы.

– Кажется, что-то пошло не так, – пробормотал он, и одновременно экран начал мигать как ненормальный.

Вслед за этим из коридора раздались крики нецензурного содержания. Кажется, нас обнаружили. Единственное, что я поняла еще, – проклятия в адрес айпишника. Значит, поврежден жесткий диск, и данные мы не получим.

Все! Хана кутенку!

Но едва я успела сжать руки на горле Макса, как меня выкинуло в мир смертей.

Глава 3
Наказание для смерти

– Где была? – буднично поинтересовалась мама, когда я предстала посреди гостиной, злая и неадекватная.

– Искала сбежавший диплом, – пробурчала я.

И ужаснулась, едва взглянув на себя в зеркало. Волосы выбились из хвоста, глаза покраснели, взгляд злобный, сама бледная, как… смерть. Ну да, смерть и есть, одним моим видом можно контролировать численность населения.

– Джульетта, зайди ко мне! – раздался голос отца из кабинета.

Они все уже поужинали и разошлись, но в доме еще чувствовались запахи чего-то съестного. Я с сожалением проглотила слюну. Но проигнорировать папу – значит ухудшить ему настроение. А вдруг меня опять будут ругать?

Папа сидел за столом. Чашка кофе перед ним уже давно остыла. Иногда он забывал про ужин, и мама приносила ему перекус в кабинет, но в этот раз вместо сэндвича на блюдечке лежали конфеты. Папа улыбнулся, заметив мой голодный взгляд.

– Ешь, пока мама не видит.

И я уже протянула было руку, но все же сумела справиться с пагубной тягой к сладкому.

– Нет, – пояснила я в ответ на удивленный взгляд отца, – хочу горячего.

Он как-то тяжело вздохнул. Смерил меня внимательным взглядом, и от него толпа мурашек пробежала вверх по позвоночнику – сообщать мозгу об опасности.

– Ты так выросла. Казалось, совсем недавно пошла в школу…

Э-э-э, нет, если папу не прервать, он пустится в воспоминания, да так, что вспомнит не только как я пошла в первый класс, но и то, как они с Войной уперли любимую собачку одного диктатора, а еще раньше, с Голодом, Атлантиду утопили, спьяну перепутав Посейдона с каким-то там Ктулху, или как этих богов морей-океанов звать.

– Ты чего хотел? – спросила я. – Про диплом узнать?

– Нет, – отмахнулся он. – Джули, вот скажи, ты думала о… будущем?

– Думала, – честно призналась я. – Непременно о светлом. Но, в связи с последними событиями, – далеком. А что?

– Понимаешь, работа смерти, она… сложная. С ней не все справляются, она не всем подходит. И иногда стоит взглянуть на все трезвым взглядом и принять сложное, но важное решение.

– Ты предлагаешь мне отчислиться?

– Нет, милая. Разумеется, нужно получить диплом. Но вот после… как ты смотришь на то, чтобы выйти замуж?

Воцарилась тишина. Отец сиял, довольный гениальной

идеей. Я переваривала. Точнее, переваривать-то как раз было нечего, и желудок выдал жалобное урчание. И уж конечно, ни о каком замужестве я и не думала. Если кандидат в мужья – не котлетка, то нам не по пути.

– Пап, меня никто не берет замуж, – осторожно напомнила я.

У меня действительно были сложные отношения с противоположным полом. Кто отважится пригласить на свидание дочку всадника апокалипсиса? Разве что отмороженный какой. А двое отмороженных в семье – горе для бюджета, поэтому на счастливое замужество я и не рассчитывала.

– Я бы мог поговорить с друзьями… У Голода подрастает сын, немного помладше тебя, но кого вообще волнует возраст, с нашим-то бессмертием?

– Никого, – немедленно согласилась я. – Когда ему пятьсот, а ей пятьсот четыре. А мне двадцать. И я не хочу замуж, я хочу диплом, который твой приятель мне зажал.

Папа тяжело вздохнул и одним глотком допил остывший кофе. Он поморщился, поставив чашку на стол, и немного сдавленно произнес:

– Хорошо, вернемся к этой теме позже. Вообще-то я тебя позвал не за этим. Смерть велел явиться завтра к восьми.

– Зачем еще? – Грядущий капец я ощутила прямо сразу.

– Отработаешь практику в приемной комиссии.

– А сбежавший диплом я когда искать буду?

– Джули, комиссия до обеда. И я согласен со Смертью, те-

бе нужно учиться как ответственности, так и общению. Так что найди в своем арсенале приличное платье и завтра не опаздывай. А теперь марш кушать, мыться и спать.

Папа включил всадника – лучше не спорить. Чувствуя, как и без того паршивое настроение катится в бездну, я поплелась ужинать и готовиться ко сну. Мало мне проблем с идиотом-некромантом, так теперь еще и идиоты-абитуриенты добавятся.

* * *

На следующее утро мне не то что диплом или замуж, мне жить не хотелось. Злая, сонная, напуганная перспективой полдня общаться с идиотами – вот она я, Джульетта Мор.

Стою посреди холла, где в ряд выставили столы для приема документов.

– Разрешите, я за вами поухаживаю. – С легкой усмешкой Смерть отодвинул стул, чтобы я села.

От стула тут же отвалилась спинка. Я скептически посмотрела на ректора и почти ляпнула: «Вы издеваетесь?» – но сумела взять себя в руки и невозмутимо села, рассматривая буклетики и бланки для поступающих.

– А вы всех сотрудников комиссии лично на рабочие места провожаете? – все-таки не выдержала я.

– Нет. Только тех, от кого сбегают их обязанности.

Уел.

– Правила простые, адептка Мор. Приходит абитуриент, вы даете ему форму под номером один, заполняете имя-фамилию, присваиваете код и пишете название специальности. Отправляете товарища на регистрацию и выдаете рекламу академии. Все понятно?

– Да, – кивнула я так активно, что дряхлый стул опасно пошатнулся.

– Да пересядьте вы уже на нормальный, – поморщился Смерть. – Вы совершенно не понимаете шуток.

– Ха-ха? – неуверенно спросила я, и от расплаты меня спасло лишь появление Нины.

– Привет! – бодро поздоровалась она, а самую лучезарную улыбку подарила Смерти: – Здравствуйте!

– Э-э-э… – протянула я. – Нина? Я думала, ты защитилась.

– Нина любезно согласилась помочь с приемной комиссией, – усмехнулся Смерть. – В знак благодарности за пять лет обучения.

– Наревела себе работу? – фыркнула я, и бывшая одногруппница залилась краской.

А Смерть, похоже, развлекался. Устроил цирк на ровном месте. На моей памяти такого с ним еще не случалось. Хотя признаю – издеваться надо мной довольно забавно, благо поводы даю на каждом шагу.

Пока Нина улыбалась магистру, а я рассматривала буклеты, случилось страшное. Пришел первый идиот. То есть, ко-

нечно, он был в первую очередь абитуриентом, но почему-то я сразу поняла – не поступит. Может, потому, что от парня явственно несло перегаром, а может, потому, что он без лишних слов взял анкету и принялся ее заполнять… вверх ногами. Взгляд жаждущего знаний парня с трудом фокусировался на листке, а рука дрожала.

Я как-то очень неуверенно и медленно обернулась к Смерти, на лице которого застыло выражение брезгливости.

– Юноша, а вы уверены, что вам нужно к нам поступать? – спросил он.

Не отрываясь от своего занятия, парень кивнул.

– На какую специальность вы хотите поступать? – бодро спросила Нина.

– Не надо, – шепнула я ей, – с ним разговаривать. Едва он откроет рот, нас снесет запахом перегара.

Сказала я это достаточно громко. Абитуриент и бровью не повел, а вот Смерть нахмурился еще сильнее. И, когда парень закончил писать, медленно двинулся за ним.

– Ну и что это было? – мой вопрос так и повис в воздухе.

И не получил ответа, даже когда магистр прислал крепкого старшекурсника из числа заваливших летнюю сессию. Для охраны.

У народа в этот день, казалось, была единственная основная задача: тупить. А у Нины – заигрывать с каждым мало-мальски подходящим кандидатом мужского пола. Такое чувство, что одногруппница резко сменила жизненную цель.

Раньше она старалась ради диплома, теперь – ради замужества.

Но даже несмотря на то что мы были вдвоем, справиться с потоком абитуриентов оказалось непросто. Они выстраивались в огромную очередь, нервные родительницы всей душой болели за родных кровиночек и попеременно устраивали истерики.

– Девушка, ну что так долго?! – в очередной раз рявкнула полная женщина из хвоста очереди.

Она была рыжая и кудрявая, а маленькие глаза-бусинки свирепо сверлили всех, на кого она обратила взор.

– Дамы и господа! – не выдержала я. – Учите своих детей писать, и очередь будет двигаться быстрее! Я абсолютно серьезно, у тех, кто стоит в конце, еще есть время преподать детям алфавит.

Краем глаза я заметила, как очередной молодой смертельный талант в третий раз неправильно написал собственную фамилию. И в связи с этим наказанием я еще сильнее ненавидела Макса. Не оживи он того чудика, сидела бы я сейчас и праздновала диплом.

Конечно, были и умные, вежливые абитуриенты. Но на фоне ярких представителей неадекватности как-то терялись и проходили почти незаметно. К началу первого перерыва я чувствовала, как в голове словно бьют молотком по железной кастрюле.

– Куда?! – завозмущалась толпа, едва я встала.

– В туалет! – повернулась я к особенно активной мамаше. – Можно?

Та несколько стушевалась, и мне даже стало стыдно. Впрочем, ненадолго, ибо едва я оказалась в тишине, счастливо застонала и села у прохладной стены.

– И все они хотят быть смертями, представляешь? – в полупустом коридоре голос магистра Смерти пронесся эхом.

– Что вы хотите этим сказать? – подняла голову я. – Что не всем дано? И я – в их числе?

– Нет, – пожал он плечами. – В первые дни всегда так. Самые истеричные родительницы тащат детей в первый же день, боясь, что пропустят и не поступят. Объяснить, что мы принимаем по результатам экзаменов, нереально. Через пару дней их станет меньше.

Угу, и я заодно… того.

Вот Смерть что, следит за мной? Я с ним за все годы обучения так часто не виделась, как в последние дни.

И тут же, словно отвечая на мой вопрос, магистр протянул толстую папку, набитую до отказа какими-то листами.

– Передай, пожалуйста, отцу. Здесь кое-какие результаты исследований, ему будет интересно.

– Хорошо.

Причин сидеть в коридоре больше не было, повисла неловкая пауза. Ничего не оставалось, как вернуться к гудящей толпе. Но уж чего я точно не ожидала, так того, что Смерть направится следом. И даже вздрогнула, когда голос,

усиленный магией, заставил всех умолкнуть.

– Уважаемые абитуриенты и родители! В связи с ограниченностью пространства и высоким числом желающих заполнить документы я как ректор данного учебного заведения прошу покинуть помещение всех, кроме непосредственно поступающих.

Толпа недовольно загалдела и… тут же умолкла.

– Решение не обсуждается, – добавил ректор.

И, к моему удивлению, все эти крикливые мамочки, возмущенные отцы и шебутные младшие братья и сестры потянулись к лестнице. Оставшаяся очередь заметно поредела.

– Спасибо! – Нина театрально вздохнула и томно прикрыла глаза. – Вы нас спасли!

– Обращайтесь, миледи, – хмыкнул Смерть.

Он бросил короткий взгляд на табличку, где фиксировалось общее количество подавших заявление, и удовлетворенно хмыкнул.

– Для первого дня неплохо. Адептка Мор, как ваш сбежавший диплом?

– Ищу.

Я покосилась на абитуриента, но тот сосредоточенно заполнял бумажки и ничего не услышал.

– Ну, – усмехнулся Смерть, – ищите. О результатах периодически докладывайте. Удачного рабочего дня.

Абитуриенты сменились. Кажется, теперь дело пойдет значительно быстрее.

– Мне кажется, я ему нравлюсь, – с задумчивой мечтательностью протянула Нина.

– Ага, – не преминула согласиться я. – Пригласи его поужинать.

– Думаешь?

– Предпочитаю избегать этого малоэффективного процесса. Ладно, подруга, оставляю тебя, так сказать, на передовой. А сама бегу спасать мир. Причем в прямом смысле этого слова. Завтра вернусь.

– Но… как…

– Тебе за это деньги платят. А я безответственное существо. Все, ушла!

И, прежде чем Нина успела что-либо сообразить, я юркнула на запасную лестницу. А уж там, окольными путями, добралась до мойр, чтобы снова пуститься в погоню за счастливым будущим.

* * *

Оказавшись в уже знакомом торговом центре, я еще раз проверила наличность людей. Как оказалось, даже смертям на работе не чужд голод. Конечно, могу и обойтись, но зачем отказывать себе в маленьких удовольствиях? Тем более что у Макса еда водится только в качестве закуски.

Поэтому пришлось накануне потрясти пустым кошельком перед папиным носом и напугать его голодными муками лю-

бимой дочери.

Ох, жуть какая. Люди, люди, вокруг люди, все спешат, шумят. В этот раз в торговом центре было оживленнее. Кажется, я попала в местный выходной. Меня три раза толкнули и два раза наступили на ногу. Еще немного, и моя начинающаяся социофобия перерастет в социопатию! Да чтоб тебя! Отвлекшись на странную парочку, я чуть балахон на эскалаторе не оставила, пришлось забежать в хозяйственный коридор и срочно его развеять.

Но самый шок я испытала, чуть не столкнувшись с «коллегой». Шла я мимо кафе, ну стоит смерть в кафе быстрого питания и стоит. Фастфуд вообще изначально наш проект был, его Голод с папой разрабатывали. Но вот странность, люди не огибали инстинктивно жнеца, а напротив, с интересом разглядывали. Я тоже подошла… мне тоже интересно. Ну «йоперный» театр! На косовище была надпись «Умрешь, если не попробуешь», а сама смерть стояла с ярким стаканчиком газировки и делала вид, что с удовольствием ее дегустирует. Странные у них понятия о рекламе – я бы не стала там обедать.

Стараясь больше ни на что не отвлекаться, я все же добралась до жилища Макса.

Знакомый подъезд, знакомый этаж, знакомый алкаш… Есть в жизни постоянство.

Дверь мне не открыли, за что и поплатились замком, я просто просунула косу в щель между дверью и косяком

и срезала его. Перед смертельной сталью устоит разве что убийственный чугун. Если такой вообще существует.

Первым присутствие симпатичной, но задолбавшейся смерти заметил Макс.

Он одарил разъяренную меня взглядом, затем перевел его на собутыльника и, подавив икоту, выдал следующее:

– Дим, в том магазине виски больше не бери! Она опять здесь.

– Кто? – Дим даже глаза в кучу собрать не мог, поэтому меня пока не замечал.

– Смерть.

– Круто! А то обычно у меня енотики в костюме-тройке бегают.

– А почему не зеленые черти?

– Я художник, я не могу быть банален.

Ну раз месье просит… Я тенью скользнула мимо них и подкралась к собутыльнику некроманта со спины. Тихонько сжала его плечо своими когтями, ласково подула в ушко, отчего у него волосы на всех местах сразу встали дыбом, и нежно прошептала:

– А вот и я… Енотик.

Видно, даже с пьяных глаз мужик соображал хорошо и, прикинув размер «енотика», резво стартанул из квартиры.

А теперь второй… Тьфу, сколько он выпил? Незаменимый человек для людей с похмелья. Я буду брать с них деньги, Макс на них дышать, а они от его дыхания опохмеляться.

На то, чтобы допереть его тушку до ванной, у меня ушло пятнадцать минут. Единственная радость, что в ванной комнате у него стояла душевая кабина. Поэтому я придала некроманту вертикальное положение, включила воду и быстро, чтобы не намокнуть, вытащила руку и захлопнула дверцы. Остальное сделала управляющая компания, отключившая горячую воду. Чтобы Макс не выскочил раньше времени, я опять использовала косу не по назначению, заблокировав ею дверцу кабинки.

Теперь я поняла, чем так ценна эта квартира: звукоизоляцией! Пока я рылась на кухне, не слышала ничего происходившего в ванной.

Негусто… В холодильнике одиноко стояла банка из-под огурцов, обитатели которой, похоже, давно были употреблены как закуска.

Когда я переливала рассол из банки в бокал, из ванной послышался грохот. А еще через мгновение в дверном проеме нарисовался мокрый некромант, сжимающий побелевшими пальцами мою косу.

Хвала малометражной кухне, не давшей ему места для размаха. Когда коса впечаталась в холодильник, я успела схватить ее и развеять.

– Спокойно!

– Убью!

– Не получится!

Тут взгляд Макса замер на пивном бокале, полном рассо-

ла. О, есть контакт!

– Хочешь?

Он кивнул. Я поставила бокал на стол и отскочила к балконной двери. Но можно было не волноваться. Целебная соленая жидкость интересовала некроманта куда больше.

Все время, пока он нормализировал баланс электролитов, я скромненько сидела у стены на стульчике, стараясь лишний раз не провоцировать этого лося. Да, по сравнению со мной он точно лось тот еще. Выше на полторы головы, тяжелее и… Я опустила взгляд: мускулы у него что надо, благо мокрая футболка не оставляла простора фантазии.

Наконец Макс отлип от бокала и перевел взгляд на меня.

– И чем обязан?

– Да все тем же. Проблема-то у нас общая. И если покойничка не найдем, то огребем оба, но ты больше.

– Это еще почему? – возмутился подобной перспективе некромант.

– Сначала тебе навешают всадники апокалипсиса, а потом я. За то, что навешали мне.

– Как мило… напугала, ничего не скажешь.

Он подошел и, наклонившись, заставил меня буквально вжаться в стену.

– Только ничего ты мне не сделаешь. Я так понял, ты ведь не получила диплом смерти? А без диплома работать по профилю тебе нельзя. – Мне погрозили пальчиком, как маленькому ребенку. – Следовательно, максимум, что ты можешь,

это ходить и действовать мне на нервы. А это я уж переживу как-нибудь.

Прав гаденыш, я могу только трясти перед его носом косой, как дешевая заводная игрушка, на большее у меня полномочий банально нет. Могу, конечно, папе наябедничать, но ничего, кроме новой порции подколов, это не даст.

– А зомби-апокалипсис в перспективе тебя не колышет?

Некромант хмыкнул и сложил руки на груди, с вызовом глядя на меня.

– Мне-то что? Я теперь некромант… оказывается. От армии зомби отобьюсь как-нибудь.

– Да? – зловещим тоном протянула я. – Ты эту армию возглавишь. Месяц связи с покойничком – и тебя потянет на изменение рациона. Мозги там, мясо. Потом пойдут процессы разложения. Связь-то двусторонняя.

Конечно, я сочиняла на ходу, ибо ничего такого не знала. Но нести отсебятину с честным лицом и уверенностью в голосе умеет любой студент. А мне сейчас надо было Макса как следует напугать, а уж поддерживать паранойю я смогу. Скушал лишнюю котлету? На мяско потянуло?

Похоже, такое развитие событий Макса не устраивало, поскольку он, чертыхнувшись, снял с себя мокрую футболку и швырнул ее в раковину, а затем помчался в комнату. Оттуда он вернулся в немного мятой рубашке и потащил меня за локоть из квартиры.

– Что с замком? – безрезультатно хлопая дверью, ругался

некромант.

Ну что сказать, я такая женщина, перед которой открываются все двери… иначе я их снесу. Да и чего он переживает? Ничего ценного в его квартире нет. Вряд ли его шмотье – это предмет мечтаний домушника. Да и чтобы найти там что-то мало-мальски пригодное для продажи, придется грабителю сначала взять веник и мокрую тряпку… хотя он может сдать бутылки, тоже денежка.

– Потом мастера вызову, – наконец сдался некромант. – И сними ты этот балахон!

Действительно, становилось жарко, и я вполне могла обойтись без этого куска темной материи.

– Это что? – Меня брезгливо оглядели, особое внимание уделив моей любимой голубой блузке. – Это не слишком жизнерадостно для твоей профессии?

– Я смерть-неформал! – гордо выпятила грудь вперед. – Люблю голубой и розовый цвета!

Некромант засмеялся, даже не так. Он заржал и чуть не сполз по стенке.

– Так, – наконец отсмеявшись, протянул Макс. – Ты – смерть, от которой смотался диплом, плюс блондинка и тащишься от пастельных тонов. Наверное, ты реально позорище своего учебного заведения.

– На себя посмотри, гордость форума «некромантия для чайников». На тебя теперь все прыщавые малолетние поклонники мистики молиться должны. Надеюсь, ты фото с

пентаграммой в инстаграм повесить не забыл?

На этой милой ноте мы покинули лестничную площадку.

Но далеко уйти не удалось. На середине лестничного пролета мы нос к носу столкнулись с весьма колоритной дамой. В возрасте, полная, с длинными черными волосами и огромным количеством серебряных украшений поверх накинутого на плечи яркого палантина. За ее спиной скромно стояла девочка лет пяти и невозмутимо обкусывала горбушку батона, который держала в руках.

– Стоять! – Нам преградили дорогу. – Наконец-то я вас застала!

Ну ни фига себе! Как некромант отреагировал на ее появление! Да он моего прихода меньше испугался! Застыл, глазки забегали.

– Мария! Какой сюрприз!

– С каких это пор визит вашей арендодательницы за платой стал сюрпризом? Особенно учитывая неделю просрочки.

Я с опаской покосилась на сумку в руках дамы. Уж больно демонстративно она ею помахивала. Если и она сейчас кинется на Макса, то я сваливаю!

– И еще мне соседи жаловались на шум! Я что вам говорила про соблюдение тишины? – Тут ее взгляд упал на меня, скромно стоящую за спиной некроманта и пытающуюся не ржать. – Девушка, а вы что встали? Проходите!

– Я с ним!

Судя по кулаку некроманта, который мне незаметно про-

демонстрировали, я брякнула что-то не то.

– Так вы еще девушек водите? Девочка, тебе сколько лет?

– Двадцать.

– Да? Можно ваш паспорт?

Упс…

– Я… я забыла его дома.

– Да совершеннолетняя она, – начал возмущаться Макс. – Просто блондинка со всеми вытекающими!

Тут Мария начала теснить нас вверх по лестнице, явно намереваясь осмотреть квартиру. А там… Подарочки начинались прямо от входной двери.

Судя по побледневшему лицу некроманта, ванная после его освобождения тоже осталась не в лучшем состоянии. Не пустить женщину в квартиру стало его основной задачей.

– Мы спешим! – Он достал смартфон и запустил на нем приложение банка. – Давайте я прямо сейчас вам деньги переведу, через Сеть?

– И куда вы так спешите? – почуяла неладное женщина.

– На свадьбу! – явно не думая, ответил некромант.

Ошарашенная дама остановилась и, дождавшись, пока ее смартфон пиликнет о пополнении баланса карты, схватила внучку и ретировалась.

– Милая леди! – хмыкнула я.

– Еще какая! До сих пор удивляюсь, как такой упырь и кровопийца может носить такое количество серебра в сочетании с интенсивным загаром.

Да есть хоть кто-нибудь, с кем Макс ладит? Или скоро мне предложат членство в клубе ненавистников некроманта?

– Что встала? Вперед! – Меня схватили за руку и повели по лестнице. – Твое счастье, что водитель «Скорой», который привез нашего живчика, был на редкость болтлив. Так что, куда можно прогуляться, я примерно знаю.

А вот способ перемещения некромант выбрал такой, что мне поплохело. Такси. А смерть может умереть от разрыва сердца? Да треть студентов нашей академии на водителях только и выезжает!

В машину я садилась с чувством, что вот сейчас… что? Жизнь, конечно, не закончится, но эмоции испытаю непередаваемые. И вообще, если я не могу умереть обычными способами, это не значит, что меня не может убить табуреткой, на которую посадили дополнительного пассажира.

– Девушка? Вы мне не доверяете? Зачем пристегиваетесь?

Я так зыркнула на таксиста, что он мигом заткнулся, а некромант поспешил щелкнуть креплением ремня безопасности. А между прочим, мы лучше всех знаем правила дорожного движения. Поэтому я предпочла не трепать себе нервы и закрыла глаза. Как мантру, повторяя про себя: «Я бессмертна, я точно бессмертна, я абсолютно точно бессмертна, и мне ничего не будет».

По моим внутренним часам ехали около двадцати минут, когда наконец я ощутила, что больше не движемся.

– Приехали!

Мы высадились у уютного отеля, окруженного аллеей цветущих каштанов. Приятная тень и ковер из опавших цветков. Перед входом вазоны с петуниями и кованые перила у парадного крыльца. Мило, даже не верится, что здесь рассадник зомби.

Интересно, а как мы попадем внутрь номера Джереми?

Мое воображение тут же нарисовало нас под видом курьеров и с «заказанным» букетом наперевес. Тут мозг слегка отредактировал картинку, и букет обзавелся еловыми ветками с ленточкой «Вечная память».

– Номер на двоих на сутки.

Ну да, можно было и так.

– Ваш номер четыреста двадцатый, хорошего дня.

Мы поднялись на четвертый этаж и замерли. Допустим, об отеле, из которого мужчину забрали, Макс знал, но номер нам не сообщили. Да и сомневаюсь, что информацию о смерти постояльца можно найти на стенде или в жалобной книге.

– Надо было шоколадку купить, – лежа на кровати, размышлял Макс. – Горничную за здорово живешь на такие темы не разговоришь, а налички, чтобы сунуть ей в карман, у меня нет.

Я солидарно вздохнула, у меня тоже была папина карточка и какая-то мелочь. Бросать все и бежать в банкомат не хотелось. Да и я, честно признаться, чувствовала себя не в своей тарелке. Что-то скреблось в подсознании, причем так ак-

тивно, что начало казаться, как будто внутри моей пустой головы осторожно орудуют кисточкой. Махнули, замерли, как будто ничего и не делали, только дрожь, пробежавшая по телу, свидетельствует о том, что касание было. Минута покоя – и опять.

– Что с тобой?

– Не знаю.

Я опять вздрогнула. Дискомфорт усиливался.

Я начала метаться по номеру, мне показалось – или это прекратилось? Нет, вот опять. Наконец поняла, что это мерзкое ощущение отпускает у дальней стены.

Блин, только не связь… Мне такую прелесть теперь вплоть до поимки трупа испытывать? Не хочу!

– Что ты мечешься, как кошка в марте?

– Пошли!

Я едва не снесла дверь, стремясь «взять след». Хоть зов я и ощущала впервые, понять, как по нему искать, оказалось просто. Игнорируя лифт, я бежала по лестнице, подавляя инстинктивное желание вызвать косу и уйти в невидимый режим. Шестой этаж, я замерла перед запертой дверью. Здесь.

Косу призвать все же пришлось, чтобы избавиться от замка уже проверенным методом.

– Ну ты взломщик! – с восхищением протянул Макс. – Мою дверь постигла та же участь?

Честно говоря, распахнуть дверь я хотела с ноги в лучших традициях спецназа, но в последний момент решила не шу-

меть и тихонько прошмыгнула внутрь.

Некромант, зашедший следом, был менее сдержан. Выругавшись во весь голос, когда обнаружилось, что номер пуст, он быстро взял себя в руки и кинулся проверять содержимое мусорных корзин, шкафов и тумбочек. Я же метнулась к блоку компьютера, надеясь, что тут пароля не будет. Две минуты мне понадобилось, чтобы разобраться в интерфейсе, а потом меня отвлекли.

– За исключением блистеров от таблеток и упаковок из-под жратвы из мини-бара, это единственное, что я нашел, – протягивая мне клочок бумаги, сказал Макс.

Бумага как бумага, кусочек с оторванными краями размером где-то три на четыре сантиметра и напечатанной на нем красной цифрой восемь.

– А что с компом?

– Единственный след в истории, который наш покойник оставил, – это история браузера, – проводя пальцами по экрану, оповестила его я. – Да и то, если выкинуть оттуда онлайн-игры, порнуху и интернет-магазины, смотреть будет особо не на что. Только вот сайт туристической фирмы. Но в личный кабинет там не войдешь. Могу только сказать, что, судя по контекстной рекламе, покойный интересовался турами в тропики. Все, больше здесь ничего нет.

Сунув бумажку в карман джинсов, я первая покинула помещение. Зов не утихал, но теперь я могла его игнорировать. Видно, покойник так много проводил времени в номере, что

оставил отпечаток ауры.

– Кстати! – Некромант вдруг встал как вкопанный. – А ведь съехал он совсем недавно. Вещей нет, но горничные номер убирать даже не начинали. Значит, мы совсем немного разминулись!

– Погоди… зомбяк спокойно съехал из гостиницы, вернул ключики, а перед этим заказал себе билет в тропики? Да у трупа жизнь интереснее, чем у меня!

Ладно, персонал не покусан, толпы ученых здесь не ошиваются, все не так уж и страшно. Значит, Джереми пока на свежатинку не тянет, и то радость.

У стойки регистрации я увидела знакомое лицо врача из больницы. Что он здесь забыл? На вызов приехал? А где форма?

Врач меня тоже заметил:

– Девушка? А мы раньше с вами не встречались?

– Вряд ли, – грубо отрезал некромант, собираясь вытолкать меня на улицу.

– Нет, я определенно вас где-то видел, – задумчиво, продолжил, кажется, Алибек. – Точно! Вы у нас телефон искали. А это, как я понимаю, побитый жизнью парень?

Он окинул взглядом Макса, но, к моему изумлению, не опознал. И слава вечности.

Макс тем временем тащил меня к выходу, а так как силы в нем было намного больше, чем во мне, я ехала по скользкой плитке пола и виновато улыбалась врачу. Надеюсь, он не

вызовет психбригаду.

Некромант долго осматривал взглядом улицу, пока наконец не замер и не направился в противоположную от отеля сторону. И куда мы идем? Оказалось – в ресторан быстрого питания.

– Ты куда?

– В кафе, позавтракать.

– Там зомбяк по городу бродит! Какой завтрак?

– Плотный! Слушай, во-первых, мне надо заесть запах перегара… Во-вторых, я не хочу встретить тебя через пару лет из-за язвы желудка. И в-третьих, может, пока ты будешь жевать, перестанешь наконец шипеть, и я наслажусь тишиной!

Я мрачно наблюдала, как Макс расставляет на подносе картошку фри, салат, гамбургер, наггетсы и кружку пива. Куда в него только лезет?

Наконец порядок расположения еды устроил некроманта, и он с блаженным видом отхлебнул пива. Посмаковал и кинул на меня хитрый взгляд:

– Эй! А ты не должна меня там предупреждать: алкоголь – яд и все такое…

– А косой тебе не позвенеть? – Я откусила кусок котлеты с булкой и поморщилась: гадость какая. – Ты путаешь меня с Минздравом. Это он предупреждает, я занимаюсь теми, кто не слушается. Но тебе обещаю, до цирроза ты не доживешь!

– И что ты сделаешь, когда мы его найдем? – спросил Макс, утолив первый голод.

– Упокою и отправлю на перерождение. Там жизни разберутся.

– Жизни, смерти, – проворчал Макс. – И что, вот так оно? Просто работа? Не жалко?

– Кого? – удивилась я. – Вы же перерождаетесь. Упокоил, проводил душу, посидел, после суда подождал, довел до логова аистов и пошел себе обедать. Ничего сложного.

– Слушай, по блату заявочку примешь?

Я подавилась, и ресторан быстрого питания оказался в шаге от самой страшной антирекламы: «От нашего гамбургера сдохла смерть».

– В смысле? – пропихнув в себя комок мяса и овощей, просипела я.

– Видишь? – Некромант ткнул пальцем в соседние столики. За ним сидела молоденькая фифочка и кормила карманную собачку креветками. – Я тоже так хочу.

– Хочешь в следующей жизни быть девушкой?

Макс чуть не осенил себя крестным знамением.

– Не-е, хочу быть собачкой девушки. Тебя холят, прижимают к груди, носят в сумочке. Ты гадишь где хочешь и ешь креветки, а не размороженный гамбургер. – Некромант с отвращением уставился на пресловутый гамбургер на подносе.

– А еще на них наступают, их кастрируют и усыпляют, когда надоедают. Впрочем, последние два пункта – хоть сейчас, только давай за угол отойдем, а то не поймут.

Макс, кажется, обиделся, потому что некоторое время ел

молча. Но, видать, любопытство пересилило, потому что поток вопросов возобновился с новой силой.

– И у вас есть академия?

Мне показалось или в голосе некроманта прозвучало недоверие? И откуда эти глупые стереотипы о смертях?

– Конечно. У нас много учебных заведений. Академия смертей, академия жизней, академия муз и так далее, так далее, так далее.

– То есть вы не рождаетесь смертями?

– Ну… – задумалась я. – Наверное, нет. Каждый сам выбирает профессию по душе. Папа вот был смертью, дослужился до всадника апокалипсиса. Мама домохозяйка, сестра будет жизнью. Так что да – мы разные. А вы все представляете смерть как скелет с косой. Обидно, знаешь ли, для вас стараемся.

– Но вы ведь носите балахоны?

– Ну носим. Даже кассиры в ваших кафе стоят в фирменных кепочках. А мы хуже, что ли?

– Уравниловка?

– Вопрос приличия. Представь себе молоденькую смерть, всю жизнь проведшую на Туманном Альбионе. Представил? А теперь представь себе ее реакцию на смерть с островов Полинезии. Которая предпочитает вид «я люблю гнездо проветривать».

Теперь пришел черед Макса давиться сэндвичем и надсадно кашлять. И, как назло, пиво кончилось. Жестами

некромант подавал мне сигналы бедствия, но я, циничная и коварная смерть, осталась глуха.

– Умрешь, домой не приходи, – сообщила я ему.

То ли из вредности, то ли из сильнейшей жажды жизни Макс таки прокашлялся и умирать категорически отказался. Сбегал за второй порцией пива и, вернувшись за стол, наклонился, чтобы тихо поинтересоваться:

– Слушай, а секс у вас есть?

– Да. С мозгом! Во время общения с такими идиотами, как ты!

– Покраснела, покраснела, – на манер детских дразнилок пропел Макс. – Так я и думал. Ты – смерть-недотрога. Потому и злая!

На нас уже начали оборачиваться люди, ибо этот жалкий некромантишка, получив древком косы по лбу, начал ругаться. Я, к сожалению, не успела сделать вид, что не с ним. Менеджер заведения попросил нас или вести себя потише, или покинуть помещение. Я выбрала второй вариант.

Это надо ж, даже в общепит с некромантом вход заказан. Надо было его за детский столик усадить и всучить раскраску. Хотя с его талантом творить под градусом он из детской раскраски вполне может сделать полотно, достойное Босха.

До возвращения домой времени было много, а вернуться раньше значило получить в зубы тряпку, метелку и поварешку.

– О, твой родственник, – внезапно заржал некромант и

толкнул меня локтем.

– Скорее однокурсник. – Я опознала Вячеслава, который, видимо, решил отметить успешную защиту диплома экскурсией в мир людей.

В отличие от меня, разбалованной домашней едой, парень всю учебу жил в общаге, в связи с чем его желудок переваривал все и даже больше. Это он наглядно нам и демонстрировал, со смаком грызя какой-то сомнительного вида снек.

Макс тоже с интересом разглядывал второго мрачного жнеца, встреченного за свою жизнь. Особенно внимание некроманта привлекла косуха парня.

– А почему он в куртке, а не в балахоне?

– Надоело в полиции сидеть, его в нем за эксгибициониста принимают. Как тепло на улице, так он в КПЗ.

Вячеслав вообще был еще более неудачливым, чем я.

Так, например, когда он проходил практику на первом курсе, то ошивался в парке, поджидал клиента. Так этот придурок перешел в мир живых и затаился в кустах. Сидит час, комаров на лету убивает, развлекается, короче. Тут сквозь кусты его поливает дурнопахнущей струей. Вячеслав, естественно, с матом выпрыгивает из засады. Картина маслом: полнолуние, май, сверчки стрекочут и орущий парень в балахоне. Та бабулька, чья псина осквернила его мантию, тоже оценила… Сначала перцовым баллончиком, потом сумкой, а в конце и собачку натравила. Шрам на икре – залюбуешься, челюсти у псинки – акула позавидует. Его потом долго

дразнили «сахарной косточкой».

– Джули! – Парня не смутило, что я после его оклика спряталась за некроманта, сделав вид, что его не услышала. Он не гордый, сам подошел. Блин, теперь не отвяжешься, а болтливей его только мойры. – Тебя правда лишили косы и сослали в мир смертных?

Чего?!!

– Да, сослали, а вы что, не знали, что дворники – это разжалованные смерти? И работа нужна, и опыт общения с косой есть, газоны стригут – загляденье. Свежий воздух, кстати, полезен для организма. Ты подумай, я договорюсь.

Парень смотрел на меня так, словно не мог понять, шучу я или серьезно работаю дворником. Да… зря ему диплом выдали, ой зря. Интересно, кто это распускает слухи? Нина, обиженная на мой побег? Офелия, разозлившаяся на потасовку перед ужином или подколку во время? Кто-то доселе незнакомый, питающий тайную страсть к Джульетте Мор? Прямо хоть список составляй.

– Ну, мы пошли, – хмыкнул Макс и потащил меня прочь. – У нас там газоны нестриженые и горы мусора неубранные.

Только сейчас Вячеслав заметил Макса. Глаза одногруппника расширились, он открыл рот и предпринял несколько бесплодных попыток сообщить мне, что нас-то, оказывается, смертный слушает! Вот новость-то!

И когда всеобщее удивление достигло апогея, я почувствовала, что… исчезаю.

– Блин! – вырвалось у меня. – Папа!

Макс с Вячеславом синхронно повернули головы в мою сторону.

– Э-э-э! – возмутился некромант. – Ты куда?!

– Не смей ничего делать без меня! – успела крикнуть я, а потом оказалась в академии.

Перед носом разгневанного папы.

– Я что, разговариваю с тобой на каком-то древнем мертвом языке? – спросил он.

Нехорошо спросил, многообещающе.

– Что не так?

– Джульетта Мор, кто дал тебе право сбегать с работы?

– А ничего, что мне надо найти диплом? И рыбку съесть, и на стульчик сесть!

– Ты наказана! Офелия, кстати, тоже. В моем доме сестры не дерутся, как какие-то невоспитанные хулиганки!

– Папа, скажи честно, у академии проблемы с финансированием? – спросила я.

Отец немного опешил.

– Да нет. Грант даже получили.

– Тогда какой вечности ты экономишь деньги академии? Меня в приемную засунул, мелкую к швабре приставил. Класс! Сделал вид, что наказал, а что зарплату двум штатным единицам платить не надо – это так, издержки воспитательного процесса!

– Брала бы лучше пример с сестры, – проворчал отец. – И

в кого ты такая? Она как с утра ушла на территорию, так и работает! Садовник на нее не нарадуется.

Словно сама судьба шепнула и подсказала, я повернула голову, посмотрев в окно. И как раз увидела, как работает Фели. С трудом удержалась, чтобы не рассмеяться в голос.

– Па-а-ап, можно два вопроса?

– Да?

– Ты вообще Фели сегодня видел?

– Нет, какой второй?

– Окна кабинета Смерти на эту же сторону выходят?

Надо отдать должное папиной сообразительности и спортивной подготовке. Через две минуты он уже утаскивал сестру за ухо со двора. А я воспользовалась моментом и нагло сбежала. Ибо получать еще и за косяки сестры не очень-то хотелось.

Садовник не нарадуется. Естественно! Там такие наклоны в коротеньких шортах!

Глава 4
Щепотка трагедии и немного дурдома

Я сидела на веранде, когда отец и Офелия вернулись. Попивала домашнее малиновое вино с легкими нотками амброзии, грела на закатном солнышке ноги и довольно жмурилась.

– Ты совсем офигела?! – возмутилась сестра. – Пап! Она пьет прямо у дверей! Не стесняется!

Я даже не стала ничего отвечать, только задумчиво потерла пальцем запотевший бокал.

– Джульетта Мор, ты наказана! – рявкнул отец. – Немедленно убери вино и иди к себе…

Он осекся и замолчал. Потом выпустил из рук папку с документами, забывшись, и едва успел подхватить.

На пороге дома появилась бабушка. Бабулечка. Теща. Я едва сдержалась, чтобы не рассмеяться, как злой Санта. Офелия бросилась в бабушкины объятия, а папа как-то растерял весь настрой меня ругать.

– Вино «Вдохновение», – фыркнула я. – Слушай, ба, вот как оно вдохновляет, если меня с половины бокала уносит Харон знает куда?

– А ты закусывай, – посоветовала бабушка, оторвав от сво-

его венка пару виноградинок.

– Мама, положите меч, – осторожно попросил отец.

Бабушка, а звали ее Мельпомена, в юности давала жару подопечным. Еще бы, будучи музой трагедии-то. Уж давно сменилось поколение муз, а вот привычка ходить с мечом никуда не исчезла. Благодаря чему бабушка превращалась в грозного противника. И папа ее вполне обоснованно побаивался.

Века почти не изменили молодую красивую женщину, но с некоторых пор она предпочитала выглядеть постарше, справедливо полагая, что каждый возраст хорош по-своему. Даже если мы бессмертные и не стареем в принципе. Поэтому моя бессмертная бабушка чем-то напоминала обычную земную. Только с мечом. И венком. И в тунике.

Как и у всех… почти у всех женщин нашего рода, у бабушки были длинные светлые волосы. Она обладала хорошей фигурой с формами, о которых мне можно было только мечтать. Улыбка ее в свое время свела с ума не одного актера, а как она пела! Недаром была матерью сирен. Только характер подкачал. Я хоть и демонстративно радовалась приезду бабушки, а все ж представляла, чем он обернется. Если папа и Мельпомена встретились в одном доме – жди скандала.

– Все в дом! – радостно провозгласила бабуля. – Я привезла вам подарки! Вы не представляете, эти нынешние смертные делают такие штуки!

– Странно, вроде бы моя теща – это муза трагедии, – недовольно пробормотал отец. – Тогда какой вечности каждый ее приезд превращает мой дом в цирк?!

Бабушка расположила коробки с подарками в гостиной. Часть из них уже была передана маме на кухню, откуда я и стащила – с негласного разрешения мамы – бокал малинового вина с амброзией. А вот часть подарков оставалась нераспакованной, и мы с нетерпением ждали, чем порадует нас бабушка. Просто в прошлый ее приезд нам с Фели достались бриллиантовые серьги, маме диадема с сапфирами, Церберу коробка вкуснейших адских колбасок, а папе – мешок огурцов. Все с нетерпением ждали, чем она порадует нас в этот раз.

– Ну вы девочки уже взрослые, – начала бабуля издалека. – Поэтому пришло время дарить вам взрослые подарки.

– Мама, вы что, были в магазине для взрослых? – осторожно уточнил папа и, кажется, изготовился закрывать Фели глаза.

– Нет, я была в книжном магазине, – язвительно проговорила бабушка. – Но в одном ты прав – магазин для взрослых, так что иди леденец погрызи, болван великовозрастный.

Мы фыркнули, но под суровым взглядом отца сделали возмущенные лица.

– Книжки? – скривилась Офелия. – Ба, а у нас чего, книжек нет?

– Таких – нет! – отрезала бабушка, извлекая прямоуголь-

ные свертки.

Мы все расселись вокруг бабушкиного кресла и едва ли не затаили дыхание.

– Офелия! – провозгласила она. – Ты вступаешь в пору, когда девочка начинает читать любовные романы!

– Мама! – воскликнули хором родители.

– Ша, я приличные привезла! – осадила их Мельпомена. – Вот.

Я вытащила из стопки книг парочку в мягкой обложке и, стараясь не хихикать, прочитала:

– «Капкан страсти», «Лепестки страстного олигарха»… Лепестки? Это ботаника или ужастик?

– Отдай! – У Офелии уже горели глаза.

– Нет, ты это читать не будешь! – Папа сделал попытку вырвать из рук сестры книжку.

– На! – Бабушка всунула ему какую-то темно-синюю книжку. – Тут про тебя, наверное, пишут. Дарю!

– «Магия стерв», – прочитал медленно краснеющий папа.

Мама округлила глаза и, пробормотав что-то насчет обеда, поспешно скрылась в кухне. Офелия уже читала про капканы и страсть. Я тоже собралась было линять, но не успела. Мне вручили огромную стопку книг.

– Бабушка, это «Камасутра»?!

– Читай-читай, тебе скоро замуж, надо мужа радовать подготовкой.

– «Как соблазнить ректора», – продолжала я читать назва-

ния, – «Избранным вход запрещен!» – это что, намек на то, что мой потолок – секретарша?

– Это романтическое фэнтези, дуреха! – снисходительно рассмеялась бабушка. – Очень популярно.

– А почему на этой книге нарисованы трусы в клубничку?

– Так! – пришел в себя папа. – Джульетта, Офелия, а ну отдайте немедленно! Вам еще рано читать такие книги, ясно?

– Мне вообще-то двадцать…

– А вот будет сто двадцать, тогда поговорим! – отрезал он. – Офелия! Немедленно!

Надувшаяся Офелия вернула все книги отцу, тот сложил их в коробку и куда-то унес.

– Ужинать, девочки! – крикнула мама из кухни.

А бабушка нам лукаво подмигнула.

– Ничего, я в электронке скачала!

Но если папа надеялся, что все проблемы разом кончатся с ликвидацией книжной коллекции, то он жестоко ошибался. В нашей семье если уж начало что-то происходить, то само по себе не утихнет.

– Нет-нет-нет! – Бабушка категорически не желала пускать маму к завершению сервировки. – Твои дочери достаточно взрослые, чтобы накрыть на стол. Джульетта, займись посудой, а ты, Офелия, неси ужин.

Посуда так посуда. Пожав плечами, я принялась выставлять на белоснежную скатерть бокалы и тарелки. По случаю

приезда Мельпомены мама приготовила фирменного гуся. Я бы не отдавала его на попечение Офелии, но у всех свои причуды.

Когда краем уха я услышала свое имя, насторожилась.

– Не рано, милая, не рано, – бабушка тихо уговаривала маму. – Как раз академию закончит, поработает, да и детишек воспитывать. Он хоть из приличной семьи?

– Сын всадника, – кивнула мама. – Они еще почти дети!

– Вот и будут вместе взрослеть. А за кого? Ровесник – самое то. Зачем ей разница в несколько сотен лет? О чем они будут говорить? А здесь и наработаются вместе, и перебесятся. Нет, правильно. Все правильно.

От возмущения я чуть не выбросила тарелки в окно. Это, значит, за меня решили все?! И замуж я пойду за сына всадника, и что ровесник – хорошо. А меня спрашивать не надо, я вроде как на все согласная. А вот нет, несогласная. И если не хотят ловить невесту по двум мирам – пусть советуются.

Все это я собиралась высказать им прямо на месте, да только не успела. Под скромное и тихое «Ой!», а затем не менее скромное, но уже громкое «Бабах!» Офелия уронила блюдо с гусем. Хороший гусь, как и всякий приличный бутерброд, падает маслом вниз. Маслом гусь был смазан очень щедро. Наверное, отныне мне стоит называть его с большой буквы – Гусь. Ибо только Гусь мог так испоганить всем вечер.

– Ну-у-у… – протянула задумчивая бабушка.

Кажется, она сейчас побежит срочно менять книжки Офелии с эротических на кулинарные.

– Значит, ужин в ресторане! – объявил папа.

И мой пассаж на тему преждевременного замужества откладывался.

Ресторан мы все любили. Небольшой, всего два этажа, причем второй был отдан под открытую летнюю террасу. Мне больше всего нравился именно второй этаж. Там было свежо, можно было смотреть на город и звезды. Еще там не заставляли танцевать.

Мы выбрали уютный столик у самых перил, и Офелия довела маму до крика, свешиваясь вниз и пугая залетных чаек. Чайки были адские, а потому Офелию не боялись, но наш столик запомнили и угрожающе посверкивали красными глазами. Надо следить за тарелкой, с них станется подкинуть туда что-то дохлое. Или, того хуже, еще живое.

Бабушка привлекала внимание. Она прихватила с собой не только меч, но и бутылку малинового вина. Никто почему-то возразить не решился, и вскоре мне стало совсем хорошо. Впервые за неделю я не думала о сбежавшем дипломе и задолбавшем меня некроманте. Просто отдыхала.

Когда подали горячее, в зал вошла девушка. Невероятно красивая, стройная, в длинном серебристом платье. Она держалась так изящно и гордо, что я забыла, что ем. Я даже не заметила ее спутника, настолько она была невероятна. Длинные золотые волосы уложены в изящную косу, на руке

сверкало кольцо с огромным бриллиантом. С губ не сходила улыбка.

А меж тем ее спутником был магистр Смерть. И я настолько не ожидала увидеть ректора академии с девушкой, что закашлялась и сдуру глотнула еще больше вина. Голова закружилась, и я случайно вместе со стулом, у которого вдруг отвалилась ножка, повалилась на пол. Естественно, с грохотом.

Официант и отец тут же бросились меня поднимать, причем официант все время тараторил извинения. Но было поздно – внимание Смерти и его спутницы мы уже привлекли. А они, в свою очередь, привлекли внимание бабушки.

– Не могу поверить своим глазам! – театрально воскликнула она. – Это ты!

Что, она и для нашего ректора книжек привезла?

– Мельпомена, – усмехнулся Смерть. – Вот уж не думал, что ты соизволишь нас посетить.

– Да брось, не могу же я оставить свою несчастную дочурку, вышедшую за этого оболтуса!

– Не обижай моих подчиненных, им еще работать.

Но Мельпомена уже отвлеклась на спутницу Смерти. Та ничуть не смутилась от такого пристального внимания и сама представилась:

– Лора, аспирантка Академии муз.

– Что это тебя на студенток потянуло? – фыркнула бабушка, пока Смерть пододвигал к нашему столу дополнительные стулья.

– На аспиранток, Мельпомена, на аспиранток. И Лора преподает.

– Ну раз преподает, женись! – хохотнула бабушка. – Давно тебе пора, говорю. Вон у коллег уже дочки подрастают. Офелия еще маленькая, а вот Джульетте уж замуж пора, да?

– Ну-у-у, – протянул папа, – а как связано…

Но бабушка его перебила.

– Вот ты мне скажи, – она по-хозяйски взяла Смерть под ручку, – что там за сынок у нашего Голода?

– Мельпомена, дорогая, я не слежу за детьми своих подчиненных. Зачем тебе этот заранее несчастный юноша?

Бабушка наклонилась и начала о чем-то тихо рассказывать. Папа расспрашивал Офелию об успехах в школе, мама увлеклась беседой с Лорой. Мне пришлось сосредоточиться на еде, хотя четкое ощущение, что бабушка со Смертью говорят обо мне, не покидало до конца вечера.

Мы вышли все вместе. Дом Смерти был чуть дальше от ресторана, чем наш, но они с Лорой решили не пользоваться магией, а прогуляться. Я с завистью думала о способностях всадников перемещаться в любое место и нашего, и смертного миров. Мне до такой особенности работать и работать… А я даже выпуститься не могу.

– О чем загрустила? – меня нагнала бабушка. – Влюбилась?

– У тебя на все одна причина?

– В двадцать с небольшим лет? Да, на все – одна причина.

Ну, и кто он?

– Да никто. Просто… думаю. Ба, а почему нам нельзя встречаться со смертными?

Бабушкино лицо приняло крайне удивленное выражение. Наверное, она чего только от меня не ждала, но явно не этого.

– Почему нельзя? – удивленно спросила она. – Можно. Вот только любой отец за такое уши надерет и в комнате запрет. Ну ты ведь не глупая, Джули! Влюбишься ты, влюбится он, а дальше? Он будет стареть, умирать, а ты сидеть рядом с ним. Знаешь, сколько наших потом убивались от несчастной любви? А представь, если вдруг он окажется твоим. Каково будет отправлять на перерождение любимого человека? Можно в смертных влюбляться, можно. Только это прямой путь к концу. Причем не самый легкий. Ты где его нашла-то?

– Бабушка, я тебе сказала, я никого не нашла. Я просто размышляю. И вообще, может, я книгу пишу?

– А, книгу пиши, пиши. – Бабушка или сделала вид, что поверила, или действительно потеряла интерес к гипотетическому смертному возлюбленному. – Я тебя потом в издательство посоветую. Я там на хорошем счету, между прочим.

– Про капканы страстных олигархов я не пишу, – фыркнула я.

Вдалеке показался дом.

А жизнь у нас все ж тяжелая. Хоть и вечная.

* * *

– Джульетта! – крик вырвал меня из какого-то очень приятного сна. – Опоздаешь!

Я взглянула одним глазом на часы и резко села в постели. Тут же голова взорвалась дикой болью, а по комнате пронесся гул.

– Офелия! На кой адский котел ты повесила мне над башкой этот бубен?!

Смех сестры стал лучшим доказательством, что расхожее мнение, будто дети растут и умнеют, – миф. Пока собиралась, я еще несколько раз ударилась об этот бубен, и папе наконец надоело это слушать.

– Джульетта, вы с Офелией не хотите переехать и дать нам с мамой пожить в тишине? – устало спросил он.

– Куда переехать?

– Замуж! – рявкнул отец. – Желательно быстро!

– Папа, если у меня еще есть шанс, то за попытку выдать замуж Офелию тебя посадят, ясно? Дай мне, пожалуйста, денег, у меня кончились.

Вообще, конечно, в нашем мире деньги были не слишком-то нужны. Мы ж не люди, у нас другие ценности. Но вот те из нас, кто связывался с внешним миром, иногда брали плату. Так, например, Харон за пару оболов мог отправить меня в мир смертных в обход Мойр. Да и сами старушки

за несколько монет становились сильно приветливее. Плюс смертные деньги на земные лакомства – в академии был киоск. Иногда любила себя побаловать.

Папа обычно денег не жалел.

– А поменьше нет? – тоскливо вздохнула я, рассматривая крупную, почти новенькую купюру. – Мне ее Харон не разменяет, а отдавать сотню как-то жалко.

– Скажи спасибо, что не надо деньги в рот, как раньше, пихать. Беги быстрее, опоздаешь – наругают меня.

– Фе, – скривилась я, представив, как несчастные студенты запихивают Харону оплату за проезд. – Ладно, я побежала.

– Бутерброд! – объявила бабушка, кидаясь мне наперерез из кухни.

Так, с бутербродом в зубах, я и выбежала на улицу, пронеслась через пару кварталов и остановилась у пристани, чтобы снова насладиться зрелищем отъезжающего Харона.

– Замечательно! – выругалась я. – Привет, Стикс!

Вот никто не угадает, сколько раз я добиралась до академии вплавь! Если выгонят без диплома, пойду в спасатели Малибу. Буду в очаровательном бикини спасать хорошеньких серфингистов.

Естественно, опоздала. Встретила на обратном пути Харона, тот только поржал да предложил довезти до дома. И соблазн, честно говоря, был велик. Но, представив вопли Нины, ругань магистра и обиду папы, загребла вдвое сильнее.

У нашего стола было необычное столпотворение.

– Джульетта!

Отец непостижимым, невероятным, но вполне логичным образом оказался в академии раньше меня. В компании Голода, Смерти, Войны и еще какого-то паренька, темненького, с длинными волосами, собранными в хвост.

– Привет всем! – вяло поздоровалась я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.